

примірник вона передала до Центрального державного архіву літератури й мистецтва в Москві, другий – до Центрального державного архіву-музею літератури й мистецтва в Києві, третій подарувала українському мистецтвознавцеві Дмитру Горбачову.

Пропоновану публікацію частини автобіографічної повісті К. Редька здійснено за примірником, який зберігається в архіві Д. Горбачова. Це 18-й розділ – «Мистецтво і громадянська війна», у якому відтворено події 1918–1920-х років, коли К. Редько перебував у Києві. Автор точно відбив загальну атмосферу тривожних часів міжвладдя, іноді оживляючи розповідь яскравим етюдом з натури. Навіть моторошні епізоди громадянської усобиці він умів подати крізь призму художнього бачення, що трохи пом'якшує оголену жорстокість реальності.

Особливу цінність розділу надають документальні свідчення про мистецьку атмосферу тих часів. Автор з об'єктивністю хронікера відтворює характер стосунків нової влади і митців, яскраво й емоційно змальовує окремі епізоди праці над замовленнями

нових господарів. У цій оповіді раз по раз виникають образні психологічні характеристики митців, з якими стикався К. Редько в Києві.

Публікації, де вперше було використано матеріали щоденників і автобіографічної повісті К. Редька, з'явилися наприкінці 1960-х років. У 1972 році журнал «Всесвіт» опублікував спогади художника про П. Пікассо. Парадоксально, що про живого тоді П. Пікассо «згадував» уже померлий Редько. 1974 року в Москві побачила світ книга: *Климент Редько. Дневники. Воспоминания. Статьи / Составитель и автор вступит. статьи В. И. Костин.* – М., 1974., яка містить також окремі розділи з повісті «Зіниці сонця». Частини повісті було опубліковано в московському журналі «Смена» у 1987 році, журналі «Україна» 1988 року, у книзі «Українські авангардисти як теоретики і публіцисти» в 2005 році. Пропонована публікація містить повний текст 18-го розділу «Зіниць сонця» на відміну від значно скороченого тексту цього розділу, уміщеному у виданні 1974 року.

УДК 82-311.6“1918/1920”

ЗРАЧКИ СОЛНЦА АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Климент Редько

ИСКУССТВО И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (Глава 18)

Вступление в Киев войск с красным знаменем коммунистической партии ознаменовал вскоре объявленный праздник – день Красной Армии. Народные массы всего пролетариата и крестьянства должны знать: только Советская власть, Красная Армия – подлинныe выразители и защитники бедноты от класса капиталистов.

Победоносность оружия Красной Армии должна быть выражена средствами искусства. Нужно, чтобы все площади и улицы отобразили в монументальных размерах, в динамических формах, в ярких цветах борьбу с белыми врагами: помещиками,

генералами и попами. Нужно показать, как возрастают силы Красной Армии с освобождением каждого города и деревни. Показать на плакатах, что Красная Армия – оплот и первый удар мировой революции. В этот день, выходя организованно на улицы, надо чтобы каждому было весело смотреть на наше искусство, пусть все почувствуют в нем историческое значение Красной Армии. Она залог полного торжества и светлой будущности, объединяющей все народы под знаменем Маркса и Энгельса, под знаменем Ленинского 3-го Интернационала.

Враги в лице контрреволюции уже хорошо знали, что полученные нами лозунги – не пустые слова.

Украинская Академия Художеств должна приспособиться, подчиняясь постановлениям учреждений коммунистической власти. Принять участие в создании плакатов приглашены все художники. По выполнению заказов, как центр, используется помещение Академии Художеств. Состав профессиональных сил разбивается на группы с одним ответственным художником в каждой. Заведующие хозяйственной частью доставляют нам сколько угодно красок, кистей и кипы белого полотна. Работа закипает, творческое воображение разгорается. Революция опьяняет. Борьба за коммунистический идеал человечества зажигает чувства энтузиазмом.

Мной овладели мелодии, испытанные в Петрограде в день Первого Мая на Зимней площади. В сердце какого автора-живописца родилось тогда это новое огненное солнце, которое он от имени рабочих водрузил на площади так, чтобы через него рождался новый мир.

Я взял кусок фанеры. И в той мастерской, откуда был удален петлюровским профессором, в несколько часов составил гимн-эскиз. В моём произведении выступили творцы революции в лице рабочего, крестьянина и красноармейца. На следующий день под знаком пятиконечной красной звезды, серпа и молота для письма разостланы полотна. День Красной Армии начал получать воплощение в существующих направлениях искусства и в единой воле правящей партии.

Кто же они – эти скромные молодые и уже сложившиеся мастера? С кем по выполнению государственного заказа счастливые обстоятельства позволили встретиться и испытать дарование в коллективном устремлении? С кем предстояло встретиться и учиться друг у друга, вкладывая приобретенный опыт в новую ступень нашего развития? С кем надлежало стремиться к единой мечте – испытывать глубокие наслаждения культуры, быть награждённым результатами удававшегося достижения в искусстве? Кто носил

самые гордые идеалы современности? Кто был самый отличный из нас, какая плеяда воплощений выдвинулась в формах искусства, выражая великую революцию? Молодые энтузиасты, таланты и герои. Кто они, повинующиеся массам – воспевающие их и ведущие к добру, к красоте?

На выполнение общественного заказа явился Вася Чекрыгин. – Из принципа, – сказал он мне при первой встрече, – не желаю заходить в мастерскую Академии. Меня интересуют плакаты, а не ученические полотна, написанные с обнажённой натурщицы.

В этот период Чекрыгин проявлял себя более как мыслитель-теоретик, чем живописец. Он продолжал близко дружить с декоратором Исааком Рабиновичем, который создал к празднику огромного размера замечательный кубический плакат.

С первой же встречи мое внимание привлёк Зёма Никритин. В нём постоянно чередовалась серьёзность и улыбка. Худенький, с черными блестящими глазами. Неудивительно, что к нему с особенным вниманием относился Максим Горький.

С солидным и любезным видом хлопочет Шифрин. Нервно работает ответственный начальник одной из передовых групп – Богомазов. Часто слышится имя Прахова. Над огромным стилизованным конём революции работает Рабичев. С большой лёгкостью Хвостенко рисует украинские типы на фоне орнаментальных подсолнухов. Смело и беспорядочно театрально фантазирует Петрицкий. Рыбак, со всем порывом темперамента, со всем знанием формального прогресса живописной культуры Парижа пишет для арки фигуры пролетариата. С шумом дает о себе знать ревнивый, размашистый и на вид неряшливый, но упорный Минчин. Чарует лиричностью и достоинством Тышлер, с большой энергией, с раздувающимися ноздрями, как у породистого скакуна, мчится женственный Челищев к высоким достижениям искусства. Выступает со всем академическим авторитетом Кричевский. Не устоять в пределах профессорских обязанностей при академии графику Нарбуту. У большевистского котла особо выделя-

ется группа М. Бойчука. За молодыми бойцами, созданными на главенство, активно следуют художники Седляр, Падалка и другие, сплоченные в идее украинского национального творчества.

Работа кипела над первым государственным заказом, какого ни при одной власти столица Украины не знала. Помимо вышеупомянутых имен, ко дню Красной Армии работало большое количество других художников и учеников.

Праздник должен быть всенародным, и поэтому к работе были привлечены силы ещё из другого сектора: скульпторы, архитекторы, артисты театров, музыканты и поэты, писатели.

Для работ по оформлению некоторых правительственных зданий были установлены лестницы пожарных команд. Как всегда, не хватало ещё одного дня – последнего. Над выполнением плана работали всю ночь. На утро город преобразился. Изобразительное искусство торжествовало в сюжетах борьбы и чисто декоративных украшениях:

– Искусство – широким массам народа, искусство – на улицы.

Мы все стали ещё больше учиться, как нужно выявлять новые социальные запросы быта. Перед нами возникали проблемы искусства организации пространства, для которых крышей является бесконечное небо.

День праздника – смотр наших профессиональных сил. Это праздник синтеза. Кто-то из нас грубо в плакате изобразил буржуев, жарящихся в кастрюле. Но революция, жестоко расправляющаяся с классовыми врагами, рядом вывешивает другой идиллический плакат каких-то австралийских птиц, мирно сидящих на ветках и созерцающих красоту природы. Центральная улица Крещатик – во власти самого передового авангарда живописцев. Здесь, в противоположность Софийской площади, почти нет сюжетных элементов. Поперёк улиц параллельными рядами висят разноцветные в оригинальных формах скомпонованные стяги. Эстетика абстрактных форм. Элементы кубизма, но не машинная динамика футуризма.

Данный район украшений был выполнен группой под руководством художницы Экстер и Меллера.

Смотрю на изменившееся лицо Киева. Давно ли здесь был убит немецкий главнокомандующий Эйхгорн. Еще не засыпан след брошенной бомбы у входа в здание Украинской рады. У городской Думы не убран ещё опрокинутый памятник убитому Столыпину. С шеи бронзовой статуи не снята толстая петля. Предпринята сложная работа по снятию с высокого шпиля над крышей городской Думы золотого архангела Михаила с мечом и щитом в руках.

– Как решено в революционном комитете озаглавить это место – красным флагом или звездой, – спрашивают прохожие. Привычный взгляд отмечает исчезновение памятника Александру II с барельефом верноподданных, с барельефом Великороссии и Малороссии. Памятник исчез, словно игрушка. Сметена с площади и статуя Ольги. Перед красными знаменами победного торжества, организованного рабочими массами движущихся колонн, в день Красной Армии должны быть снесены все препятствия угнетённых всего мира – в победе коммунизма.

Так роскошно, блестяще и шумно, под революционные песни и музыку, прошёл праздник событий будничных дней, раскрывающих, чем даётся победа.

– Между прочим, – говорит мне Анна Сергеевна, – хотя теперь зима и никто не ездит в Дарницу, но я хотела бы побродить по лесу. Вы большой любитель природы, Клим Николаевич, не хотите ли поехать?

Я дружил с этой бесстрашной женщиной. Поедем с удовольствием, – говорю в ответ, – Дарница не так уж далеко. Затем там сейчас не только пустынный лес, там многочисленное население. Туда так же часто ходит трамвай, как здесь по улицам.

Едем. О да! Природа не знает гражданской войны. Глядя на снежное поле, можно ли подумать, что под ледяным слоем лежат трупы людей. Возможно ли это? Когда мы вот только что миновали шумный базар со всеми доказательствами товарного предложения и спроса. Верно, уж по привычке не спрашиваешь, почему так много бродит

по базарной площади людей в солдатской одежде. Эти люди за годы войны испытали всё. Стали невольными грабителями и ворами. Они воевали за царя, гетмана, отстали от Петлюры и гуляют, как дети, пока не попадут в ряды сознательной советской дисциплины.

– Не веришь мне, – кричит один из них своему товарищу, – на, возьми мое заряженное ружье и стреляй в меня.

– Хорошо же, я убью тебя как собаку. И второй товарищ берёт ружьё к прицелу. Отстаивающий честность своих слов становится на коротком расстоянии от дула, выпрямляется, гордо поднимает высоко голову и, не обращая внимания на толпу, приказывает:

– Стреляй! – товарищ задумывается и опускает ружьё.

– Ага! Значит собака теперь ты! – говорит обидевшийся недоверием своего товарища.

– Думал, испугаюсь!

Мы пока свидетели простой солдатской шутки. Иначе говоря, это игра в миниатюре от избытка сердечных чувств – игра в смерть.

После этой сцены не прошло и часа, и о ней можно легко забыть. Трамвай остановился в нужном для нас месте. Анна Сергеевна весело переходит дорогу. В Дарнице она знает не только все улицы, но и дома. Что же это? В недоумении, стараясь быть спокойным, показываю моей спутнице на труп, лежащий посередине улицы. И тотчас же беспокойный взгляд улавливает ещё двух человек впереди. Вид новых убитых еще ужаснее. Мёртвым телам даже снег не оказал милости – целиком не погрёб их под собой.

Где же мы! Зачем же здесь стоят дома, зачем же ходят здесь и равнодушно смотрят эти люди – словно так и нужно. Впрочем, нашей целью были не обследование окрестности Киева и анализ действия людей, а простая прогулка в лес. Но впечатление от увиденной картины было очень гнетущее, тяжёлое.

Мы уже немало с Анной Сергеевной совершили прогулок вместе. Она рассказывает мне свое пережитое, и часто испы-

тывая искренность её чувства, подкупающую простоту, я хочу решиться выйти из моего весьма сдержанного к ней отношения. С туманом в голове, с опьянением думаю и анализирую, но женщина, привлекающая жадные взоры мужчин, для меня – источник, из которого я не пью, а смотрю и слушаю его.

По пустынной санной дороге мы углубляемся в лес. И чем дальше, тем более непроницаемой становится тайна покрытых мхом стволов. Что если, нехотя думаю про себя, вдруг из-за стволов, как из-под занавеси, нам преградит дорогу блуждающая шайка одичалых людей или разведка красных войск, а то и засевших поблизости петлюровских банд. Но стоит ли думать о самом страшном. Допустим, эти люди могли бы обойтись с нами и не как стая волков. И я машинально беру мою спутницу под руку. В пространстве остро чувствуются громадины леса; и так же остро я чувствую теплоту, хранимую в нас. Что ж, пойдём ещё дальше или уже довольно. Лес стал редеть. Навстречу нам хлынуло столько ослепительного света, что мы не могли сразу отличить вспыхнувшую пулемётную стрельбу. По лесу торжественным эхом широко раскатился гул орудий и разбудил застывший воздух. Но это было всё же далеко.

Видим раскинувшееся поле и поблизости маленькую деревню. Нам туда незачем. Возвращаемся в сторону Дарницы уже по другой дороге – надеемся найти наш трамвай. Как будет легко снова унести в город, до нашего слуха доносится стук топора. Кто это – дровосек или сооружается укрепление? Следы ведущей дороги исчезают. Открывается вид на широкий овраг. На дне протекает речка. Не странно ли: там в лесу, далеко от жилищ, всюду незапятнанная природа, а здесь спиной к дереву, как живой, сидит убитый человек. И мы слышим не одиночный стук топора, а их уже несколько, жители Дарницы мирно рубят дрова. С ними дети. И никто из них, казалось, кроме нас не видит весь овраг от края и до края с противоположной стороны, никто не замечает кладбища трупов. Мертвецы разуты – кто в одном

белье, а вот сплошная масса – груды голых тел. Голые белые, синие и красные. Во мне возникает взгляд художника, и я захвачен этим никогда невиданным сочетанием человеческого тела и форм его органов, затерянных, перемешанных чистым снегом, хранящим нетленно признаки павших.

Давно ли на улицах голодного Петрограда собаки рвали трупы лошадей? А здесь, где косили пулемёты, они слетаются со всех дворов и, должно быть, человеческое мясо кажется их вкусу нежней всякого другого. Увлечённые хищной операцией, собаки и между ними стаи ворон не замечают, когда мы проходим вблизи от них. Мясная еда послана им необъяснимыми путями. Они ничуть не смущаются тем, что объекты их питания те же существа, которым они горячо преданы. Не будет ли теперь им суждено жить так до тех пор, пока они не переедят всех людей.

– Идёмте, довольно, – хватает за руку меня Анна Сергеевна. – Лучше не останавливаться и не смотреть на этот ужас. О чём же думают здешние жители! Какое безразличие. В какое время мы живём. Где же Правительство! – со слезами восклицает моя спутница.

Правительство! Но кто скажет, надолго ли овладели Киевом большевики. Знаем ли мы, как и в каком составе сил расположены сейчас воюющие стороны. И знаем ли мы, что сможем беспрепятственно вернуться сегодня в город. И если вернёмся, то под какое правительство? Без оглядки назад!

Советская власть энергично вела пропаганду, вводя через партийный аппарат постановления о коренном социальном переустройстве. Шёл интенсивный учёт классового состава населения и материальных средств. Новыми организационными силами проводилась общественно-культурная работа. И этот подъём горел в непосредственном тылу позиций и на полях битвы. При таком лихорадочном действии, организации революционных сил и беспощадном подавлении противного течения, казалось, об уходе коммунистов не могло быть и речи. Советская власть не выпустит из рук столицы Украины. Создался какой-то момент, что большевики стали

эвакуироваться, но тактически или стратегически на полях сражений была снова победа, и город с тремястами тысяч людей стал опорой красных бойцов.

Художники знали и убедились на деле, что только у правительства большевиков для нас всегда есть работа. Уверенные явились в губернский военный Комиссариат получить заказ к празднику Первого Мая. Молодой комиссар спрашивает товарищей художников, понимают ли они, какая ответственная, большая, творческая работа должна быть выполнена ими?

– Получите столько материала, сколько нужно будет для украшений по выполнению нашего плана. Вы знаете, какие здания у нас и как они должны быть оформлены.

День Первого мая – день трудящихся всего мира. Значение торжества, этот день впервые получил начало не у нас, а в Чикаго двадцать девять лет назад.

Товарищу комиссару ответ дали по существу. Люди мы все молодые. Быстро разбились на группы сообразно количеству районов. На следующий день наша артель заняла помещение Печерского ипподрома. Эта огромная часть города, прежде наполовину аристократическая и пролетарская, принадлежала нам. Накануне я до поздней ночи делал у себя эскизы. На одном из них – красивый всадник на вершине полукруга саблей рассекает чёрную стихию. Плакат получился самый большой у меня. Коня и всадника далеко можно было разобрать. Он был в позе наивысшего напряжения, весь устремлён вперёд. Вокруг всю плоскость я залил игрой цветов. Плакат вышел яркий. Красок у нас было сколько угодно – я пользовался ещё умеренно.

Талантливый Вайсблат, наш товарищ в коллективном соревновании, воспринимал взаимную интенсивность и тонкость чувств, действовавших в нас интуитивно, мы постигали цветную концепцию Матисса. С ненасытным упоением принялся я рисовать кистью головы людей величиной в мой рост. Земледельцев, молочниц и типы различных профессий. Так же появились у меня птицы и цветы. В постижении природы фантазия работала в состоянии какой-то расслабленности и того ощущения, когда

в детстве лепишь что-то ещё вроде из баловства или, пожалуй, можно сравнить это с различными танцами.

Идея и размах работы меняются. Все, конечно, должно быть отдано дню Первого Мая. И творческая природа вдруг внушает желание чертить на фанере знаки с закрытыми глазами. Я делаю это и получаю высокое наслаждение. Получаются напряжённые чистые линии, выраженные композиционно так, как их продиктовал заряд нервного тока. Это можно сравнить с музыкантом, играющим с закрытыми глазами. Разница только в том, что средства, действующие на восприятие чувств, иные и не всякий может получить одинаковое эстетическое наслаждение: слушая музыку и в той же степени любуясь отвлечённым рисунком.

– Для чего вы выводите такую пляску чистых линий? – спрашивают товарищи. – Для испытания подсознательного чувства, – смеясь, отвечал я. Если хотите, это просто прекрасное упражнение и для развития силы и гибкости руки. Сколько же было тогда испорчено нами фанеры. Рисовать с закрытыми глазами, какая нелепость, порча материала, какие получаются грубые и бессмысленные вещи. И всё же данный опыт показал, кто обладает лучшей техникой и подлинным творческим увлечением, если с закрытыми глазами способен выразить некий художественный смысл.

По соседству с нашей группой над тем же заказом, но для другого района работали другие художники. По причине того, что нас отделяла одна стена, с открытым широким проходом и между нами была существенная разница – в смысле соревнующегося состава сил, у них возникла к нам с самого начала глухая вражда. Мы заканчивали работу, а у них она двигалась гораздо медленнее.

После внезапно вспыхнувшей словесной перебранки, юноша атлетического сложения из враждебной группы схватил полено и хотел ударить им одного из наших товарищей, отличающегося острым языком. Момент, и мы почти остолбенели. Атлет, и к тому же с тяжёлым поленом идёт на безоружного. Казалось, он искалечит на-

шего товарища и понесется в бешенстве на нас, под злой хохот своей компании. А если бы он оказался в затруднительном положении, то за ним последовала бы вся группа. Но на наше счастье мы все вмиг отметили смелость и благородство поступка: один из нашей группы, Грановский, выступил вперёд. Он не искал, какой предмет ему взять в руки. Ему достаточно было уверенности в свои железные мускулы. Противники вцепились взглядами. Зачинщик почувствовал превосходство Грановского, идущего на него с одними сжатыми кулаками. Затевавшему драку, стыдно, как же теперь его авторитет в глазах своих единомышленников – может пострадать! Противники стали расходиться и маневрировать на расстоянии, подготовляя столкновение.

Всех нас поразила смелость безоружного нашего товарища и ослабляюще подействовала на врага.

– Обойдусь и я без полена, – подчёркивает вид нападавшего. И затем мы видим, как в один миг Грановский бросился напрямик, выхватил полено из руки противника и, отбросив его сторону, произнёс:

– Ну, а теперь, трус несчастный, что будешь делать? Тот, оказавшись дураком, оцепенел – гневный взгляд пытался отстоять свое поражение. Но продолжать нападение, значит окончательно превратиться в ничтожество. За нашим интеллектуальным превосходством, как группы, прибавился фактор физический.

Мы принялись за доставку плакатов на места. Следуя за подводами, весело пели. Пели от сознания, что для всех людей выполняем работу, необходимую как пища. Наши плакаты мы везли в военные учреждения.

Народные типы, созданные мной, красовались на каменных воротах, а красный всадник увенчал стену у входа в военную школу. Во время трудной развески, вышло одно неудобство, характеризующее привычку старого быта:

– Господа, – произнёс один из наших художников, – красного всадника надо укрепить прочно, чтобы его не снёс первый же порыв ветра.

– Как, – изумлённо возразил коммунист из школы, принимавший наши украшения, – мы думали к нам приехали с плакатами товарищи, а не господа.

Конечно, в группе художников находились и господа, произносившие это обращение в течение гражданской войны ещё долгое время. Господам, безусловно, хотелось остаться в этом господстве, а пока они зарабатывали на революции. Всё же наш товар с господским запахом, выставленный на солнце на виду народных масс, пленял цветами там, где постоянно угнетало всё серое и грязное.

Вскоре один из наших товарищей Вайсблат, принимавший самое активное участие в выполнении заказа к 1-му Мая, умер от туберкулёза. Его ушедшая жизнь, родившая в ту весну изумительно яркие цвета – выраженные в простых строгих формах, хранит и теперь к нему, как к живому, самое нежное и горячее восхищение. Худенькая фигура юноши Вайсבלата в поднявшуюся бурю революции послужила ей на пользу и служит до сих пор тем, что его живущие товарищи, храня о нём память, работают и будут работать вдохновенно, служить ей в искусстве до конца своих сил.

Последние дни наших встреч соприкасались с музыкой на симфоническом концерте, в опере «Фауст».

– Я слушаю композицию, – говорил Вайсблат тоном, переполненным глубокого смысла. Затем в другой раз, встретившись в саду, мы горячо обсуждали бессмертную Шехерезаду. В этот день вечером давали концерт, в программе: «Прометей» Скрябина. Но Вайсблат на нём уже не присутствовал.

У выхода из театра я заметил группу малознакомых мне лиц, среди которых находился Павел Челищев. С ним вместе мы несколько раз рисовали в академии. Челищев показался мне возбуждённым. Мы смотрели друг на друга, взаимно угадывая открывающийся смысл наших натур. Вскоре представился случай: мы очутились вместе, прохаживаясь по улице, говорили друг другу приятное, но не забыли и раскритиковать каждый себя. Одним словом, отмечено было очень мно-

го серьезных недостатков. Надо их исправлять, но как? Конечно работой и работой над собой. Незаметно и сладко пролетел этот необыкновенный час беседы – восходящий до невыраженного вслух объяснения в любви. Наша дружба началась с момента этой прогулки. Оставаясь наедине, я думал-мечтал о Павле Челищеве. Он хорошо рисовал и, главное, смело. В нём виден был мастер, ищущий и должный превосходить.

Теперь мы вчетвером работаем над скромным заказом: борьба с туберкулезом. Смысл работы доказывает, до какой степени должна быть улучшена жизнь – вернейшее средство сохранения людей. А пока что культурное просвещение было не дающим внутреннего результата.

На одном плакате следовало написать: пейте кипячёное молоко. Наш старший художник Богомазов человек семейный, выполняя этот плакат, иронизирует – было бы хотя сырое ежедневно. У него ребёнок.

Нормальный подвоз продуктов из деревни прекратился. Молоко достать не так легко. Кое-как ещё едим почти один хлеб. Однако мы вчетвером пишем плакаты, уничтожаем на них бактерии, микробы и прочие невообразимые простому обывателю вещества. Бичуем неряшливых к чистоте, наставляем, как соблюдать гигиену – истинный прогресс человечества. Очень достаётся от нас и алкоголизму. Затем пусть знают все – культура человека определяется количеством потребляемого мыла.

Из суммы всех мероприятий по здравоохранению, мы создаем искусство. Рядом со мной выполняет свою часть Павел Челищев. Он работает ловко и упорно, но с уклоном в технику. Иллюстративную задачу выполняет в стиле журнала Сатирикон. Эта манера меня отталкивает, но я знаю, у Челищева нет опыта делать какие бы то ни было плакаты. Знаю, так же он способен и преобразиться, если мы будем выполнять в будущем другой заказ. Мы пишем лихо-радочно третий день. С каждым новым плакатом Челищев совершенствуется со скоростью растущей ржи. Линейная чернота слабеет, и у него появляется больше полноты и сочности в цвете.

Мастерской является двор. Земля почти

всюду покрыта травой. За забором гряды огорода, а дальше маленькие окраинные дома.

– Давайте-ка теперь, мы расставим наши полотна-плакаты. Посмотрим, как получилось.

Живо сторона дома, сараи и заборы приняли на себя листы фанеры.

– Наши плакаты закончены, – объявляет Богомазов. Деловитым взглядом обводим нашу выставку.

– У вас, – говорит мне Богомазов, – получились самые яркие.

– Да, сознаюсь, красок не пожалел. Я находился ещё под впечатлением моего первомайского красного всадника. Власть ощущений, вызванных работой над ним, и общность вкуса и декоративного соревнования в выявлении цвета с Вайсблатом, продолжали развиваться все с большей полнотой. «Расскажите вы ей цветы мои», повторяю я часто мотив из «Фауста». Кого я люблю, так это искусство. Люблю страстно эти фанеры, изображавшие туберкулёз, – губитель жизни. На одном плакате я изобразил участь пьяниц. Вся их душа – в бутылке с водкой.

– Этот нужно вывесить на видном месте у Городской Думы, – говорит наш старший товарищ, Богомазов.

Материал распределён на нескольких площадках. Челищев и я едем на Бессарабку и Печерск. Несколько плакатов сдаем в базарную контору. Едем дальше на Печерск. Улица – пустынная полудорога. С одной стороны валы киевской крепости.

Мой новый друг, на всё смотрящий сейчас глазами живописи, не знает ещё, чем в прошлом для меня были эти грозные полузаброшенные укрепления. Не знает, сколько я выстрадал под их прикрытием в шайке бездомных беспризорных под началом главаря кривого Ваньки.

Лошадь медленно тащит в гору наши произведения. Направо в саду – цветущие деревья. Мы мечтатели живописи. Но я внезапно под влиянием зрелища. Говорю ему: как бы я хотел сейчас в этом саду держать в объятиях девушку. Такое желание не вяжется с любимой живописью. Мой друг удивлён оборотом результата, вызванного

наслаждением цветущего сада. На минуту он поглощается какой-то мыслью и затем, смотря на меня большими карими глазами, говорит: «Ай, ай, Клим вот вы какой!». Я сам серьёзно задумываюсь над тем, что сказал. Если б я знал, где её встретить.

– Разве нам сейчас нехорошо вдвоём? – с молчаливой улыбкой как будто спрашивает Павел, беспокойно смотря вперед.

Когда въехали в район крепости, я увидел группу знакомых акаций. Здесь помещается фельдшерская школа – когда-то я пытался поступить сюда учиться. Напротив помещается лазарет. Переехав висячий мост, мы с туберкулёзным материалом очутились внутри двора. Гуляющие больные и сестры с вопросительным безразличием рассматривают какие-то намалёванные фанеры. Что за диковина? Для чего эти вещи и куда их?

– Товарищи, Отдел Здравоохранения устраивает день туберкулёза. Нам, художникам, поручено на основании имеющегося у нас документа, развесить наши плакаты в лазарете.

– Что ж, пожалуйста, – отвечает подошедший дежурный.

Так куда же теперь их прикрепить? Работу, за которую нам платят деньги, неудобно приставить куда-нибудь у дверей. Будут ходить, может помешать, и работы повалятся в грязь.

– А вы прибейте её на столбах, – даёт нам совет возникший. Хорошо, что оказались электрические столбы. С этого момента начал официально существовать день туберкулёза. Мы удалились, испытывая большую облегченность. А неприятная вещь эта грубая реальность. Она сильно бьёт по нервам – по обратной стороне чувств.

Будем надеяться, что вскоре советская власть поручит нам другую работу. Забывая неудобные положения, в главном мы удовлетворены. У нас была возможность испытать наши силы. С какой уверенностью мы примемся выполнять будущую работу. Ценней всего это то, что она вовлекает в творчество. Никто не вмешивается, как пишем. Нам доверяют. И мы не только пишем, мы в то же вре-

мы ищем, мы революционеры искусства. Вступаем в его мировой авангард с поддержкой и помощью коммунизма.

Согласен ли Павел со мной полностью? Думаю, нет. В искусстве мы единые. Оно сделало нас друзьями, но благодаря советской власти – революции. Челищев барин – столбовой дворянин. Я же все то, о чем пытаюсь рассказать на страницах этой книги. Я пролетарий. Моим богатством было всегда всё то, чем законно владели другие. У Челищева отнято всё, кроме самого главного – жизни. Владеть тем же бесценным даром природы, который заложен в человеческом естестве Челищева, наступившая революция открыла для меня все двери настежь и на благо, на счастье моё и счастье подобных мне – даёт всё, только учись – трудись! Она даёт и Челищеву, но он из гордости не может или не хочет принять. Мы с Челищевым не разбираем ни существенные, ни юридические принципы данной эпохи. В душе мы только сходимся, когда он на прощанье говорит:

– Вы серьёзный и сильный художник. Надеюсь, мы будем друзьями. Приходите ко мне. Будем часто встречаться и вместе работать.

– На наши плакаты смотрят сейчас тысячи людей, – говорю я в ответ. – До свидания. И мы крепко жмём руки.

Весна была в расцвете. Проходя ежедневно по большой Васильковской улице, я привык встречать на ней людей, отличающихся характерными особенностями. Например, в трамвае работала группа воров. Они при мне начисто обчищали карманы, в особенности крестьянам, приехавшим за покупками. Но объявить в вагоне во всеуслышание: граждане будьте осторожны, между нами по карманам работают воры, я не мог. Эти сильные вооруженные бандиты знали меня в лицо и конечно за донос не оставили бы в покое.

Власть боролась с хищниками, но какие люди проникали в ее учреждения, контролировать было трудно, всё же высшая мера наказания расчищала атмосферу. А чтобы население знало врагов ответственности – спекулянтов и прочих ещё

не сломленных врагов революции, подрывающих ее действия, на улицах на каждом шагу расклеивались списки лиц, расстрелянных по таким-то мотивам Чека.

Весна всё это знает, знает и то, как молодой пианист Дубянский – влюблённый в жену своего друга, на этой почве покончил жизнь самоубийством. Кто слышал игру музыканта, не мог не пожалеть погибшего большого таланта.

Наряду с катастрофическими явлениями, в ту эпоху кое-кто был уверен – будто революции жить осталось недолго.

Весна, отмеченная 1919 годом, отразила в нашей жизни светлые явления. Мы с Челищевым приглашены работать по устройству грандиозного детского праздника. В то время, когда взрослые ведут кровавую борьбу, дают ли себе дети отчет, кто такой адмирал Колчак и генерал Деникин.

Помню в 1904 году, когда я был маленьким, проходя по базарной площади, купил у еврея за полторы копейки портреты: генерала Куропаткина и коменданта порта Артура Стеселя. Наедине долго рассматривал их загадочные лица, а придя домой, решил уверить мать, что они присутствовали на празднике в нашей школе.

Как дети представляли себе генералов, командовавших белой армией, мне не представилось случая наблюдать. Но в периоде их возраста произошёл перелом и, вместо «Царю небесный» или «Боже царя храни», они стали петь «Вставай проклятем заклеименный».

Для детей мобилизованы лучшие актёры и музыканты. Известно, что главный центр праздника будет в купеческом саду с открытой сценой для симфонических концертов. В этом саду художникам предстоит показать значение Советской власти для детей. Дети должны знать, как прежде всего большевики заботятся о поколении, в молодых сердцах должна запечатлеться героическая борьба за идеалы пролетариата. Для них и армия художников разбилась на группы. Для них мы берёмся сделать иллюстрации к произведениям знаменитых писателей. Иллюстрации необыкновенные. Они представляют книги-колоссы из листов фанеры. Каждую такую книгу, поставлен-

ную перед детьми на сцене, перелистывая, будет декламировать актер.

Наша работа закипает в помещении школы. По глиняным горшкам рассыпается краска, порошок. Разводится столярный клей. Приготовлены пачки новеньких кистей. Каждый для себя раскладывает на полу фанеру и с эскиза, набросанного на клочке бумаги, начинает выявляться картина про жизнь бедного зайчика Александра Блока. Произведение Блока иллюстрирую я. Зайчик на первом же листе получился похожим на откормленного поросёнка. Зато он радуется цветами красок и технички выполнен для работы такого временно назначенного – слишком хорошо.

Глядя на него, дети скажут, что всё же это зайчик, и он грызёт лист капусты. И надо надеяться, с ним примирятся. Дальнейшее развитие поступков зайчика пошло у меня много опытнее. Я развил творческую опьяняющую интенсивность. Она сопровождается всеми украинскими и русскими песнями. Удивительно, как они в такие вдохновенные часы легко возникают в памяти и легко поются, сколько же их успелось выучить на земле родной и повсюду.

– Когда вы хорошо пишете, – говорит мне милым голосом жена Богомазова, – то непременно начинаете петь.

А хорошо ли это? – задаю себе вопрос. Не отвлекает ли моё пение других и меня от главного – живописи. Но видно годы такие. Иначе нельзя. Живопись это песнь души. Одна плоть. Песнь, как свет, в которой рождаются цвета.

Наплодил я ещё детям косолапых и мохнатых медвежат. В заключение, написал на последнем листе лицо, похожее на паутину, изображающую скупую, злую старуху. Это портрет. Когда я был совсем маленьким, около меня одну зиму возилась такая старуха. Более всего она была невыносима постоянным кашлем, сопровождая его сплевыванием и сморканием в горшок. При взгляде на эту воспроизведённую рожу, у всех проходил по коже мороз и подёргивало члены. Многие принимали мою старуху за символизированную монархию. Когда на празднике очередь до-

шла до неё, дружным хохотом разразились советские дети.

Первую книгу для сбора переплёта можно направить столярам. Весть, что книгу первым сделал я, живо доносится к другим группам. Рекорд скорости и добросовестности в выполнении работ побит мной. Победа стоила затраты сил. Но сколько их в организме, которому нет ещё двадцати пяти лет. На какое же тогда быстрое восстановление и прогрессивность способен молодой организм. Творческий процесс, пережитый над созданием детской книги, вывел меня на уровень нового сознания. Я завоевал область, над которой достоинство человека – художника будет и должно трудиться. Нужно быть способным, зрелым, чтоб сказать: я могу творить. Моя заветная мечта быть художником никогда не казалась столь возможной и реальной как теперь.

Великан-книга родилась на второй год Октябрьской революции. Только в обстоятельствах тех дней, кажущихся фантазией, создали нам возможность проявить себя столь лихорадочно и с размахом в искусстве. Самая культурная часть, проводивших передовые течения французского искусства, оценила мою книгу, как влияние Руссо и Матисса. Это звучало похвально, но я еще тогда сознался себе, они были правы не в точном смысле. Создавая листы, я не следовал доктринам этих живописцев в смысле прохождения дисциплины. Единственно, что сблизило меня с ними, это общее ощущение природы, преображенной мною для плакатной упрощённой техники. Проникаясь настроением поэзии Александра Блока, я переносился в детский мир. В нём воссоздавалось пространство вне измерений. Искусство простоты достигалось без вкладывания научного знания. Насколько мне удалось, я пережил в этих листах детскую непосредственность, делающую примитив из искусства ценным, в смысле претворения видимого и воображаемого в чистый неподражаемый оригинал. Сказки, созданные поэтами для детей, располагали живописца к свободе наиболее синтезирующей человеческое естество во всех его периодах развития

с вечно молодой, неиссякаемой природой. Это этап внутренней лаборатории искусства, приведённого в действие духом времени, в котором рождаются и борются формы, претендующие на универсальный объём и выразительность.

С каким охватом и с какими отклонениями внутри наследственности культуры укреплялась дружба с Челищевым. Наш рост, отмеченный теми месяцами исканий, совершенствования, был отождествлен с динамичностью социальной войны.

В гражданской битве побеждающей стороне искусство нужно было, как гранаты и снаряды. Все средства культуры были централизованы многоликим лицом к фронту. В этом столкновении наше искусство создавало картины: женщины с ребёнком, отдыхающей в тени наклонённых к её лицу веток яблони. Нас вдохновляет вид красных яблок, в окружении которых женщина становится ещё более очаровательней, она же и как мать вдвойне объясняет нам эстетические и физические законы. Здесь чистая девственная и плодovitая земля в свете голубых, зелёных и красных цветов, здесь трава с цветами, птицами. Нужно видеть и знать всё живое, без которого глаз созерцателя не мог бы сделать чёрточки на полотне. Да, это здесь мы учимся творить, находясь перед загадкой, насыщенной гармонией, которую наши условные органы ощущений полностью никогда не впитывают.

В Александровском саду мой друг, работая часами над пейзажем, проявляет исключительное упорство. Вдали вершина холма с домами – на переднем плане дерева.

Из всех предыдущих его работ, я не видел влияния Дерена. Если б современный мастер мог подойти в данный час и посмотреть, как пишет Павел, он бы выразил ему похвалу. Павел сильно бьётся за строгую, кажущуюся неискусной форму, – осваиваясь ее жаркими и тёплыми, мягкими тонами. Это влияние Дерена. А может быть французский мастер выразил бы порицание моему другу, сказав: у меня данный период миновал, зачем же вы стараетесь повторять его. И всё же, зная деликатную

сущность переживания Челищева, я восхищаюсь его восходящей дерзостью, его волей, претворяющей серую концепцию в репродукции Дерена, в живописный темперамент молодого мастера. Его личность всегда входит в ожесточенную схватку с теми препятствиями, которые причиняет ему неподдающаяся живая сущность постоянно меняющейся природы. В этой схватке он зорко следит за положением и всеми своими движениями, всегда предпочитая восходящее направление. Он обладает выдержкой, сосредоточивающей силу и развязывающей стеснения в овладении техникой.

Теперь мы почти постоянно работаем бок о бок. Нас разлучает одна лишь ночь, и то в течение сна мы в мыслях соединены искусством и нетерпеливым желанием немедленно встретиться утром.

Нам позирует его младшая сестра Лена. Она стойко не возмущается видом своего портрета. У неё есть чуткость, а главное доверие. Но в семье и в среде их знакомых негодуют: – как это можно позволить себе так уродовать, изображая на полотне милое и доброе лицо девочки.

В данном случае, говоря о моём современнике, ему не все сочувствуют в нужном для его интеллектуального замысла способе видеть такой Лену. Во-первых, на картоне он сделал ее голову во весь размер в три раза больше натуральной величины. Уже от одного этого она выглядит ненормальной. Но это при втором зрительном обстоятельстве сошло бы, если б глаза, нос, рот и все прочее было построено по-человечески правильно. Эту привычную иллюзию построения форм лица, он наоборот разбивает.

Все черты лица разносит во все стороны, вешает и устанавливает, сажает и ложит, куда ему вздумается, это получается ужасно, уродливо – кричат возмущённо зрители. Но не кажется ли художнику, что зрители, мол, глупые и ничего не понимают, надо их учить видеть, надо им долго привыкать и только потом они сумеют оценить произведение. Таким героем выказывал себя мой друг – постоянный энтузиаст в создании оригинального.

Подобными подходами и средствами требовалось расчищать засоренное, упадочное и официально академическое искусство. Требовалось произвести сложный возврат творческого интеллекта к истокам народных примитивов, в которых подлинная, эпическая монументально-объективная красота. Надо было проникнуться простыми формами искусства, основными элементами законов архитектурного строения. Поэтому лицо Лены напоминало формы доисторической каменной скульптуры или было похоже на искусство современных первобытных африканских народов. Таким путем, духовно воссоздавая чистоту принципов искусства, в глазах несогласных, мы превращались в цивилизованных дикарей. Пусть так – думали мы, но это в нас искренне. Правда-то, как говорится, в двух концах. Клеймит же буржуазия пролетариат варварами, уничтожающими культурные ценности прошлого. Но это от ярости, от слабосилия, от личной и от классовой заинтересованности в материальных богатствах. Новая культура, вся будущность и мощь страны в руках рабочих и крестьян.

Мы охвачены желанием работать, всё знать и усвоить кистью или карандашом интересующее нас. Мы не остаемся безразличными к Софийскому собору, смотрящему на нас из глубин XI века. И архитектура, мозаика, акустика и фреска действуют, загадочно возбуждают воображение, переносят мысль к самим творцам памятника. Это строгое искусство, возникшее на религиозном энтузиазме, вызывает высокое восхищение и преклонение. Наша интуиция, подавленная великолепием, впитывает древнее мастерство. Часами в безотчётном состоянии под влиянием глубокой тишины, внутри собора, мы отдаемся созерцанию отражающихся свойств золота, в противоположность мозаичным синим камням – сильно, просто и широко выраженной богемности. Византийская пышная цивилизация, – думали мы, – докатилась до Днепра и вот создала Киев. Ведь Софийский собор – это ли не Киев? А находящийся в нём резной иконостас – выразитель украинского барочного искусства.

– Нарисуйте для печатного издания несколько характерных частей иконостаса, – предложили нам. И мы с усердной принимаемостью выполняем заказ. Требуется сухой технический рисунок. Да, думаю, нарвался на работу из мелких деталей сплошь из завитушек. У Челищева дело идёт веселей, он выбрал капитель по форме простую. У него отчеканенный рисунок на отчётливом контрасте света и тени. У меня же расплывчато. Рисую, помещаясь в полумраке. Как же мне добиться необходимого эффекта? Придумал сделать к орнаментам фон. Это было излишне для документального рисунка, но почему бы мне не взглянуть на него как на картину. С этого момента я почувствовал в себе приток свежести, увлечения, позволившего добиться в короткий срок хорошего результата. Наше соревнование: кто лучше нарисует, вызвало оценку, равную сторонам одной монеты.

На Николаевской улице в помещении бывшего богатого магазина разместилась агитационно-плакатная мастерская. Сюда мог каждый прийти испытать свои способности на пользу великого дела.

– Если вы проникнуты коммунизмом и создаёте решительный час, который должен обязательно дать нам победу, тогда вы сами найдёте сюжет для плаката. Если вы работаете так, как бьёт стрелок – без промаха, каждый ваш осуществлённый замысел – ценная помощь для товарищей, с оружием сражающихся с белыми врагами. Если вы ещё недостаточно опытни, работайте, как можете, и из всего, что будет вами сделано, выберется лучшее, годное служить агитационным целям.

Кто из нас не пользовался свободными принципами данной мастерской. – Искусство для политики. – Да, но эта формула не насильственная, она скорее не сразу всем доступная. Искусству тоже нужна революция. Легко ли или трудно, но когда возьмешься за агитационный лозунг, показывающий в искусстве проклятых буржуев, добивающихся во что бы то ни стало с помощью иностранных наёмников погубить завоевание рабоче-крестьянской революции, – такой лозунг получает осу-

ществление. Его ценность как искусства не всегда представляет удельную оригинальность. Но посмотрите на весь арсенал агитационного мастерства, на наших вдохновлённых красноармейцев. На сцены сражений. На локомотивы революции. На физиономии врагов. И на различные сюжеты, выраженные символически в действиях животных, птиц, пресмыкающихся. В них средства искусства выразили хищные ядовитые начала. Вскрыты в реализме и аллегорически все адские, тёмные силы, под разными видами старающиеся обмануть народ и вернуть себе старое могущество.

Самые удачные оригинальные плакаты воспроизводились в сотнях, тысячах экземпляров и рассеивались по всем углам и на всех просторах гражданской войны. В особенности доставалось тогда от нас адмиралу Колчаку, пока он вскоре не был разбит.

С юга нарастала угроза добровольческой армии. Что это за армия, руководимая Деникиным, вскоре мы должны были испытать и оценить. Пока же Киев советский. У нас работы хоть отбавляй. Спешно требуется расписать вагоны для проведения кампании по мобилизации воинских сил. День и ночь в трамвайных парках кипит работа художников. Работа признаётся очень ответственной – находится в ведении Чека. Ряд вагонов расписан, их уже можно видеть на уличных рельсах.

Способствовал ли наш труд результату притока новых свежих сил влившихся в ряды бойцов? Несомненно. И наша пропаганда увеличивается во всех областях общественной деятельности.

Некоторое время мы заняты по выполнению оформления дня культуры. Затем, у кого было желание, тот мог взяться за роспись пароходов. Выясняется, мы хотим и распишем всякий предмет, сооружение и если надо все улицы. И наша группа принимает на себя плавучих великанов. Судна должны призывать население городов и деревень, расселенных у берегов всего Днепра, бороться за советскую власть.

Наш общественный долг мы выполняем

в пламени революции. Но не особенно романтичны предстоят условия по выполнению государственного заказа. «Бытие определяет сознание» провозглашает марксистская наука.

Прибытия партии живописцев наши пароходы дожидаются у Труханова острова. Ежедневно ранним утром моторная лодка перевозит нас туда через всю ширину реки. Зачарованные течением, мы любимся видом на холмистый правый берег. В восторженном порыве наш товарищ – художник Тышлер, оскалив красивые зубы, спрашивает: « почему же все поэты воспевают солнце?»

А светило в этот ранний час, искупавшись в Днепре, бодро, свежо идет вглубь всей Украины.

Причалив к песчанному берегу, заросшему кустами вербы, принимаемся за работу. На каком же просторе проходит наш ненаглядный рабочий день. Пароход превращаем в писанку и в мощное орудие пропаганды.

– Вы слышали, как выступала Колонтай на митинге? Это о ней поют в частушках наши поварихи вместе с матросом Дыбенко.

Наша новая приятельница Чекеруль-Куш с замечательно подражательным искусством передаёт голос, мимику и в особенности жесты популярной большевички Колонтай. Чекеруль-Куш говорит нам:

– Жалко, вы не присутствовали и не видели, с каким усердным вниманием схватывает толпа ее речь о разбойниках международного капитализма.

Как артистка, Чекеруль-Куш не может не восторгаться зрелищем бурного боевого митинга, а как общественная единица не может всецело разделить энтузиазм тех, кто поднял и организует революцию. Она, пожалуй, готова согласиться признать идеалы будущего коммунистического устройства, но не переносит грубости способов достижения – ужасается крови.

Польские аристократки – сестры Ростисhevские, в тех случаях, когда между нами возникает разговор о политике, взяли себе за правило слушать с иронией и холодной надменностью.

В таком еще сохранившемся домашнем уголке мы часто с Челищевым проводим досуг. Чекеруль-Куш вызывает во мне живой интерес к своей темпераментной оригинальной личности. Она выучила «Двенадцать» А. Блока. Превосходно декламирует: «Мы на горе всем буржуям, мировой пожар устроим».

Не понимая практической сущности, на которой строится новая власть, обеспечиваемая действием Чека, она отталкивается от себя, но ради искусства готова отдать ей жизнь. Надо видеть, как Чекеруль-Куш читает Блока и поёт свои любимые песни в пролетарских клубах и в театре во время устройства дня Культуры.

Вот так скраивается жизнь, скраивается на различные углы и лады. Чекеруль-Куш хорошо поёт, отлично декламирует и в голове носит идеи. Если б не возник Ленинский 3-й Интернационал, они могли бы здесь до сих пор считаться самыми передовыми. Достаточно посмотреть на заглавия нескольких книг в её библиотеке, чтобы убедиться, кто их владелец.

Переживаемые катастрофические события, как раз были вызваны томами книг специально составленной единственной на весь Киев библиотеки. Возникновение марксизма, его история здесь собраны, хорошо переплетены и уложены в дубовых установках и закрывающихся витринах.

Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, Коутский, Вандервельде и прочие имена генеалогии социалистических естественных и философских наук.

– Мой муж, будучи адвокатом, собирал эти книги и брошюры в течение многих лет. Он считается одним из первых – сделавших труднейший перевод Маркса на русский язык.

Чтобы такая задача могла быть выполнена, нужно быть самому учёным марксистом и деятелем революционной политической мысли. Для меня сразу открылась завеса. Пережитое и усвоенное до сих пор – благодаря ораторам, статьям в газетах и лозунгам, предстало передо мной во внушительнейшем собрании книг – сохраняющих мозг авторов в результате их былого творческого состояния.

Я впервые взял в руки том капитала Карла Маркса. Вчитывался в лирического Энгельса, которого знал до сих пор только рядом с Марксом на портретах.

– Все, о чём они так много толкуют и присваивают только себе, – говорила Чекеруль-Куш, – нами давно уже было изучено и сделано здесь. Это мы революционеры. Здесь заключается наше теоретическое наследство и результаты, доказывающие о практических действиях.

– И за это вас хотят теперь выселить из квартиры и конфисковать книги для клубных библиотек, – возмущается польская аристократка.

– Да, сюда приходили и не однажды. Что поделаешь, люди простые хотят попользоваться добром богачей, это делается в общем порядке революционной законности. Но, должна вам сказать в порядке той же законности, я добиваюсь защиты.

В случае крайней необходимости угрожаю оповестить Москву. Приходит какой-нибудь мальчишка комиссар и говорит: «мы хотим взять для пользования коммунистической ячейки хранящуюся здесь литературу.» В таком случае, хотя он комиссар и при оружии, я кричу на него и, знаете ли, в словах не стесняюсь. Он хорошенько выслушает меня и смущенно скажет: «Хорошо, мы подумаем» . Уйдёт и не возвращается.

Библиотека Анны Чекеруль-Куш! Вспоминаю о ней с восторгом, преклонением, нежностью!

– Ты не читал, – спрашивает меня Павел, – жизнь Витторио Альфиери? Прочти обязательно!

Но с большим интересом я прочёл жизнь Бенвенуто Челлини. Из библиотеки, как исключение, позволялось брать книги на дом только нам с Павлом.

Классическая и современная литература здесь также занимает почетное место. Но из всех мировых богатств, для нас самое ценное – отдел искусства. Тома книг на всех существующих языках Европы истории искусств. В дорогих изданиях сверкает репродукциями Италия. Чем больше всматриваешься в произведения, усваивая в памяти особенности эпох и

отличительные достоинства имен, сила мечты о прошлом и о далекой Италии властно влечёт к себе. Хочется проникнуть в глубь веков, чтобы побольше узнать о их состоянии. Их отражение можно видеть в искусстве, не в этом ли цель молодости, и разве не счастье отдаться изучению мастерства, открывающего наивысшее возносящее наслаждение?!

Забывая мгновениями, что в родной стране потоками льется кровь за идеалы всего человечества, я даю себе обещание ехать, бежать туда – где рукой Джотто воспроизведён Данте. Но это только кабинетная романтика.

Пояс событий военного коммунизма затягивается все повелительнее. Революция под смертельной угрозой. Впереди надвигается самое худшее. И в то же время под впечатлением кажущегося спокойствия обеспеченных дней, гражданской потребностью является не только перенести все лишения, но и хочется любить, как велит природа, наслаждаться доступными благами, отдыхать и созерцать под звуки музыки.

Если «Двенадцать» А. Блока и ряд стихотворений В. Маяковского отражали гордые замыслы Октября, в десять дней потрясшего весь мир, то в музыке тому же соответствовал Скрябин – умерший накануне революции. Одни названия его капитальных сочинений / 3-я симфония – «Божественная поэма» 1904 г., «Поэма экстаза», 1907, «Прометей», «Поэма огня», 1910 / были выразителями и предвестниками переосознания человечества.

Слушая скрябинские диссонансы в помещении городской оперы или Александровском саду, мы видим, как на площади перед оперным зданием выстроился батальон латышских стрелков – надёжнейшие части Красной Армии. Сегодня им торжественно вручается знамя пролетариата, а завтра они будут в бою.

Симфонический оркестр исполняет «Прометей». В рокоте и раскатах грома произведения я слышу – столкновение битвы.

Тем временем во дворе в доме Гинзбурга выстроились мобилизованные коммунисты. Они получили новую одежду и

продовольственные пайки. При них нет оружия, но из речи комиссара, призывающего не щадить жизни за дело рабоче-крестьянского правительства, становится понятно, где им суждено проявить себя завтра.

Музыка – живой источник, без неё обойтись невозможно. Кто же эти музыканты, с кем власть бережно считается, несмотря на то, что Киев охвачен огненным кольцом контрреволюции. Здесь авторитетный Блюменфельд – композитор и воспитатель поколения музыкантов. Известный композитор Глиэр. Теоретик и профессор Яворский. Скрипачи: Коханский, Турчинский. Пианисты: Нейгауз, Гинзбург, Мелих, Бюцев. Киевская консерватория выводит на эстраду старших воспитанников прекрасных музыкантов.

Вспоминается один концерт Моцарта, открывший мне смысл чистой музыки. В окна зала – через зеленую листву, проникал солнечный свет. Звуки души Моцарта в моем сознании больше всего соответствовали цветам природы. Голоса инструментов наполняли весь зал несравненной музыкой. Но для нас, включивших свой разум в динамические направления искусства, ведущего к абстрактному выражению, тогда особенно был близок Бах. Мы стремились к чистой живописи через формальное разложение. Этой цели никто иной не мог соответствовать и вдохновлять примером чистой ценности музыки, как фуги Себастьяна Баха. Искусство, передающее свойство психологического состояния, волнует человека. Совершенство выраженного мастерства, доводящего переживание до того уровня, когда звук мелодии содержит в себе всё, охватывая один из законов гармонии. Музыка может принадлежать к закону выражения индивидуального и эпического свойства. В первом радость и страдания. Во втором – высшая стихия, вечная механика, над одним и другим. В произведениях Баха мне представляется отражение движения гармонии астрономических светил.

В чьих же гигантских сердцах разрастающаяся эпопея революции находит нужную опору? Кого обратила к себе её

красота в предшествующей революции? Через кого создала героизм народных масс, кипящих гневом из-за порабощения брата братом? Кем может быть подхвачено Красное знамя, вокруг которого сейчас падают сраженные? Бетховен – титан человеческих чувств, отражает это полностью. В его музыке звучат элементы, свойственные системе революции. По величине, глубине и силе захвата выразительности, в строении гениальных произведений, отражается человеческий род. Страдание и мечту об идеале добра, вот что сближает органический Бетховен с красотой и верой начала коммунизма.

На основании закона естественного подбора, марксистская доктрина в советском действии централизует все находящиеся культурные ценности. Природа революции чутка ко всему наследию, где проявился новый творческий дух. На красном знамени серп и молот – пятиконечная звезда. Красное знамя не есть нечто пространственное, ограниченное. В нём сосредоточен весь земной шар, где музыке Вагнера находится подходящее место.

Искания, пережитые ранее композитором синтеза всех искусств, – проблема, ведущая к глубокому переустройству и выражению эстетических свойств природы. Проблема этического действия искусства мистерии, осуществила только в идеале синтеза. Гордый ум, страстный темперамент Вагнера похитил для своего времени огонь с неба, но возможностей синтеза для вечности не исчерпал. Для нас его музыка с предельной оркестровкой инструментов звучит преломлением света звезды, доходящей к простому восприятию глаз. Вне критики объективные результаты, в плане и музыке Вагнера в его индивидуальной самоуверенности не предвещается ли осуществлению синтеза – синтез политики коммунистического интернационала. В перестройке общественных начал на коллективных основах музыка Вагнера – источник вдохновения масс, стремящихся к данной победе.

Кого бы ни исполняли камерные или большие симфонические оркестры, опьянительный подъём активно борющихся

сторон передавал музыку в смысле и значении переживаемой эпохи. Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Глазунов, Рахманинов. Не забывался Стравинский. В программе были Дебюсси и другие французы и итальянцы.

Однажды, придя к певице Бутомо-Названовой, я застал у неё Нейгауза, ежедневно упражняющегося к концерту, готовившего программу из произведений польского композитора Шимановского. В её квартире пианист Мелих играл Шопена с напряжённо уравновешенным тонким проникновением в сущность музыки. У меня навсегда счастливо запечатлелся редкий образ совершенства. Вообще же после хорошей музыки остаётся неиспаряемый аромат. Надо добавить – этим ароматом было пропитано все – то время нашей эпохи. Мы жили для красоты и ее воссоздавали коллективно.

В эту же эпоху летом из недр событий появилось всеобщее военное обучение – сокращённо всеобуч. Это означало, что готовится бой с контрреволюционной армией, перед которой вынуждены наши красные войска отступить. Возможно, в предстоящем столкновении артиллерией будет снесён Киев. Но до сих пор, несмотря на обстрелы, уличные бои – где шрапнелями и пулеметами столько было уложено молодых людей, еще не все тополя изуродованы на бульварах. Что же будет дальше?

Населению надо выдать оружие. Всех обучить строевому уставу – закону. А художники должны развить кампанию. Нужно показать в цветах, кто может и должен выполнить гражданский долг в наступающий решительный час.

Контрреволюция не сдаётся. Пройденный ею путь покрыт виселицами, – расстрелами рабочих и крестьян.

Мастерам форм и цвета картина ясна. Нужно создать в средствах искусства всеобуч. Нужно вдохновить массы слиться телами с нашей Красной Армией.

В древней Спарте сражалось всё население. Опояшемся и мы обоймами патронов. За светлое будущее! За коммунизм!

На Софийской площади архитекторы

занялись устройством арок, трибун и цоколей для всеобща. Туда свозили свеженький лесной материал, который зажегся бы как спичка. Сотни столяров выполняли план украшений, готовили место плакатам.

Наша группа живописцев разместились в балетных залах городской оперы. Молодые балерины под наблюдением балетмейстера как стая птиц вспугнуты появлением непрошенных людей. Этот мир знает своего Дега, но мы не интересуемся грацией, тренировкой классического танца, мы художники суровой действительности. Смотрите, кого и как только мы не выводим нашей кистью. От малого до большого – всё население под ружьем. Вы узнаете типы киевских граждан. Вот хозяин бакалейного магазина, подрядчик, профессор, приказчик, аптекарь. Взятые под ружье и женщины неопределённых занятий: домашние хозяйки, женщины-кондуктора, машинистки, прачки и уж, конечно, все работницы.

С моим неразлучный другом Челищевым работаем бок о бок. Пишем лихорадочно, – вдогонку на превосходство личности. Я поражаюсь серьезности и упорности соратника. Меня восхищает его кипучая, неутомимая энергия. И если б он знал, что чувствуя около себя и наблюдая взлёты его успеха, я испытываю гордую нежность к нему. Ведь и я несусь с ним в эту высь творческих небес. С какой легкостью возникают на моих листах фанеры – людские фигуры. Мой взор опьянен воображением и результатом. Я прикован коллективной силой создающейся атмосферы всеобща и невыразимо свободен над самим собой и над событиями.

На третью ночь сломленные беспрепятственным напряжением труда, мы ложимся спать на недописанных фанерах. Чтобы согреться, инстинктивно плотно прижались друг к другу. Но ночь для сладкого сна коротка. Надо вставать. Челищеву дописывать гражданский бой, а мне создать еще новую любопытную фигуру попа. Ведь он тоже должен быть мобилизован на равных правах перед революцией. Павел делает движение повернуться на другой бок, но что-то мешает. – За гвоздь, что ли, зацепилась одежда.

Спросонья глаза как следует не видят, но откинутая рука попадает во что-то мокрое. Так оказалось, мы проспали в столярном клее. От какого-то коварного движения во время сна, ведро с жидкостью опрокинулось. И нам пришлось приклеиться.

На четвёртый день наш всеобщ ученик написан. Мой мобилизованный поп вызывает недовольные, растерянные взгляды некоторых недружественных лиц.

– Это выглядит кощунственно и кажется дико, поп на стороне Красных войск и должен стрелять в офицеров.

Но что поделаешь, творчество художника сопровождает азарт. Да и обстоятельства самые простые, неизбежные – не церемонятся, диктуют свою в данном случае неповторимую волю. Надо всем защищать Киев. Логика революционной необходимости чрезвычайно ясна. Её сильно испытывает художник и к тому же, если ему дано задание: претворить жизнь в искусство.

Прошел день смотра резервов всеобщего военного обучения. И как первый день, он прошёл с праздничным подъёмом. Оркестры музыки не умолкали. Красным знаменам не было видно конца.

Рука об руку, как ходят мальчики или влюбленные, я шёл с Павлом любоваться нашими плакатами, как бы то ни было, а прежде всего они наши. На них смотрят десятки тысяч глаз, но это не сглаживает нашей ревности к ним. Да, вот где они теперь! На виду солнца, всего города и всех людей!

На каменной стене произведения Челищева: «Бой красных с белыми», «Бой артиллерийский». Снаряды разрываются в стадии крайней интенсивности. Затем почти в центре площади колоссально-монументальное сооружение громадной формы. От земли к её центральному основанию с четырёх сторон ведут широкие ступени. В высоте неба взгляд охватывает острую верхушку четырехугольной пирамиды. На расстоянии между её нижней и верхней крайностями прикреплены с востока, юга, запада и севера мои резервисты всеобщего военного обучения. По моим жилам кровь струит горячую радость.

Не счастье ли видеть, что твоя работа удостоилась такого места. Великое, значит, дело искусство. С улыбкой восхищения проверяю эффект своих результатов. Какова их ценность как искусства? Что выражает вложенное в них искание? Достижение в искании должно быть как египетская или ассирийская скульптура – должно выражать все то лучшее в законах природы, сведенное к одному – простоте. Должно быть формами и цветами тех, кто создал революцию и доведет её к полной победе. В нём проблема стиля коммунистического общества.

Вне себя я сдал руку Павла в своей руке, говоря: эта фигура лучшее достижение, найденное нами, значительнее из всех написанных полотен, висевших на площади. Я был рад и горд. Мой же друг примолк. Он разделял мое чувство и не находил слов для возражения. Мы проходили место очень величественное – центр живых сил всего города.

Повозка, запряженная парой лошадей, повинувшись общему соотношению сил, отступает на северо-восток. Над пулеметом ожесточённый мадьяр ловко отстреливается от невидимого врага. Если б было побольше таких молодцов, как этот мадьяр, возникает у меня мысль. Затем всё скоро утихает и кажется, этим происшествием ограничивается сдача Киева. Но нет. Никакую операцию нельзя предугадать. Во всём неизвестность.

Снаряд рвется, гулко ударившись в центре улицы. Его огонь неожиданно резко мелькает у меня в глазах. На секунду припадаю на колени и моментально взглядом из-под руки вижу, как группа проезжающих кавалеристов разлетелась в стороны. На месте убит всадник – лошадь пытается встать. Я в страхе бегу. Снаряды падают параллельными рядами. Когда, наконец, вбежал в свой двор, жильцы только что отделались от удара. В углу дома свежая дыра. Пыль ещё не улеглась. Проход завален кусками камней и досок. Чей-то случайный взгляд обнаруживает в раковине у водопроводного крана упавший туда не разорвавшийся снаряд. Что делать? Как убрать его оттуда? Не без тяжелого

колебания находится смельчак, сосед сапожник. Засучив рукава рубахи до локтя, осторожно замыкает в пальцах невинный драгоценный и грозный снаряд. Мы следим за храброй душой – нашим избавителем, а вдруг его разнесёт? Он бросает снаряд на траву по другую сторону улицы. И тотчас же, как будто нарочно, нам послано новое наказание: вдруг появились откуда-то пулеметы. Ещё царит день, но ощущение у всех будто не видно ни зги. И только из подвала слышно, как пули искалывают каждый камень во всем дворе. Вот каким градом пуль расчищают себе путь соединённые силы старого порядка.

Пришла томительная нудная ночь. Если б можно было собрать в один фокус всё то, что происходило в эту долгую и короткую ночь. Какой силе взрыва его можно бы уподобить? С каким зрелищем сравнить?

В помещении милиции комиссар уложил из револьвера изменника, отказавшегося отступить с коммунистами. А дальше, дальше воображение, факты, которые откроются в ближайшие часы и дни.

В утреннем свете с юга входили галицийские войска. Такой тип людей киевляне не привыкли видеть. Красивые блондины в сдержанной, замкнутой выправке, хорошо одетые, сытые и снабжённые всем новым снаряжением, – вот это войска! Только что-то немногочисленные. Они первые прошли в центр города. Где же добровольческая армия? Неужели она уступила триумфальный вход в Киев украинским войскам? На балконе городской Думы выставлен жёлто-голубой флаг. Значит, власть принадлежит украинцам.

Другая часть населения, мечтающая о бывшей единой, неделимой России – думает о другом. Этой толпе известно: хотя галицийские войска вошли первые, но эта победа и честь овладения столицей Украины, принадлежит не одним им. Победа над большевиками одержана благодаря российской добровольческой армии во главе с генералом Деникиным. Появление добровольцев ждут с часу на час. На улицах опять люди с признаками привилегированного положения: кокарды, золотые погоны, ордена и медали. Буржуазные женщины

в белых платьях. Нет, это не рабочие массы стекаются в центр приветствовать с цветами в руках армию, это пришли встречать в лице победителей: офицеров и генералов. В разгаре дня ух! Наконец, выжидательное напряжение толпы вырывается в криках ура! Вот он явился долгожданный архангел, избавитель христианских душ – от красной чумы.

На площади у городской Думы офицер на коне держит трёхцветный флаг царской империи. С тротуаров все бросаются к нему. Еще несколько минут, и его с конем подхватывают на руки. Ур-р-а! Ур-р-а! Раздается пение: «Боже царя храни».

Мой неразлучный друг Павел не выдерживает. Он не может подобно мне спокойно, стоя на углу тротуара, только смотреть туда, где, по моему мнению, происходит не радостное событие. Павел бросился в толпу, где плакали и смеялись от счастья. Я же, не двигаясь с места, испытал уже в себе нечто ещё новое. Здесь налёг пласт тяжести на моё чувство к Челищеву. Мы были разные и по-разному разделили событие, ему оно несло жизнь, а мне тяжёлую тоску и страдания.

Встреча посланника из штаба главнокомандующего достигла затем неожиданного инцидента. Пока же происходило ожидание и ликование. Украинский флаг занимал уже господствующее место на балконе Думы. Это многих приводило в недоумение: что за желто-голубой флаг? Всякому старому сердцу, в котором бьётся по-прежнему символ единой России, трёхцветный флаг – говорит многое.

На балконе немедленно появились представители добровольческой армии. В самое короткое время все могли наблюдать союзническое единение флагов – бывших на фронте вместе, против красных войск, вплоть до вступления в город. Но потом между флагами возникла вражда. Украинцы на балконе хотели держать только свой национальный, а русские, исходя из закона, кто сильнее и из принципа сохранения старой государственности, потребовали главенства: не жёлто-голубого, а бело-сине-красного. На этой почве возникла стычка, и по аплодисментам, и по вновь

раздавшимся крикам «ура», видно было: галичане сняли свой флаг в негодовании. В тот же день они порвали с Деникиным и покинули город Киев.

После этого горожане бросились открывать следы красных. О, революция оставила следы катастрофические.

Контрреволюция неистовала, побеждала на отдельных участках фронта, Чека подкашивало её силы на своей территории. Должно быть, с того часа, когда накануне отступления красный мадьяр отстреливался с пулеметом в руках, решила и участь заключённых. В гаражах во дворе всюду лежал человеческий мозг. В саду из общей ямы вытащены их тела. Черепные коробки снесены разрывными пулями, но по остаткам лиц узнают родных и знакомых. Все они принадлежат к сословию, армия которых надеется теперь уничтожить большевиков. Коммерсанты, домовладельцы, директора училищ и прочие высокие гражданские и военные титулы – известные или по ошибке попавшие в число врагов революционной власти, все нашли место в большой яме. Большая яма со свежей рассыпчатой землёй объявляется братской могилой. Священник начинает панихиду за упокой убиенных. Ему вторит плач и рыдание уцелевших.

В семье Челищевых нервно потрясена девочка Лена, она неутешно плачет больше всех. В ночь перед уходом власти, чекисты расстреляли своего служащего, бывшего офицера.

– Он решил быть добросовестным сотрудником в столь грозном учреждении в течение всего периода, пребывания Красной армии в Киеве, так за что же его убили? – недоумевала маленькая Лена. Молодой офицер, опекаемый заботой любимой жены, взаимно счастливый, отличался ласковым обращением со всеми жильцами. Они жили в доме, заселенном знатными беженцами изнутри России.

С приходом в город одной из добровольческих частей, прибыл и обрадованный хозяин дома с немецкой фамилией, немедленно явился в свой дом узнать, всё ли благополучно. Тут же установил каждой семье квартирную плату.

– Бог даст, скоро возьмём и Москву, – заявляет он самоуверенно. – Коммунистический Интернационал во главе с Лениным тотчас же вздёрнем на виселице. Вся Россия из кремля и Красной площади увидит справедливый божий и народный суд и управу над ними.

– Да покарает их господь бог, – вставляет своё слово старенький с беленькой бородкой камергер двора его величества. Он такой добренький и ласковый. Только не выносит, когда его молодая жена любезничает с молодыми мужчинами. А она его терпит, надеясь, что победоносная армия вернёт ему владения. Пока же они и прочие бывшие министры, сенаторы, помещики понемногу распродают золото и бриллианты.

В вихре необычайных впечатлений у меня внезапно возникла забота, как же быть с моим портным. Вернее, портной на месте и заказанный чёрный костюм с жилетом для манишки и воротничка с галстуком сшит. Хочется, не взирая ни на что, одеться как следует и в новое, какая аппетитная мечта. Как же быть? Чем платить за него? От заработанных денег на всеобщее осталось около двух тысяч рублей. Из них рублей пятьсот думал отдать портному. Какими же деньгами расплачусь теперь за костюм. Советскими старейший еврей не возьмёт. Но на моё счастье он питал доверие к этим деньгам, и хотя на них нельзя было всюду покупать, тем не менее костюм оказался на мне. Очень довольный возвращаюсь домой. Навстречу мне по середине Владимирской улице ведут человека с окровавленным лицом. Кто такой, коммунист?

– Да, и какой ещё попался. Сам Богуславский – председатель Чека, – охотно отвечает один из толпы.

Как могло случиться? Видимо, решил остаться в подполье. Его, наверное, проследили, донесли и арестовали, Богуславского только что извлекли из-под автомобиля. Он бросился под него на ходу, но его немедленно вытащили с израненной головой. И, как добычу чрезвычайной важности, ввели внутрь двора к коменданту. Я пробрался внутрь. В комендантском поме-

щении люди не удивились пленнику – бывшему комиссару. Контрразведка была завалена такими делами.

– Уберите его, – едва взглянув, приказал подполковник. – Что значит «уберите его», – мысленно повторял я, неотлучно следуя за обречённым, наверное, заключат в тюрьму, такого как Богуславский, будут допрашивать особо.

Чеченцы наголо с саблями, молча вышли снова на ту же улицу. Повернули к Софийскому собору. Идут, но видно, им надоело. Остановились.

– Здесь, что ли? – взглядом спрашивает чеченец офицера. Тот приказывает свернуть на поперечную маленькую улицу. Тут же у первого дома на углу, чеченец рубит саблей. Среди зрителей находятся голоса возмущения. Кажется, можно защититься, вырвать его из-под ударов. Не выдерживаю и я. Но мой голос тотчас обрывается. На меня набрасываются какие-то церковницы, пожилые женщины и зло шипят – ходят вокруг меня.

– Видно, тоже большевик коммунист. Надо позвать к нему чеченца, – подсказывает другая.

В этот момент, встав на тумбу, простой солдат сильным молодым голосом выкрикивает: товарищи! Мигом внимание всех сосредоточилось на говорившем. Но какая насмешка. Из его слов выяснилось: он находит справедливым убийство, как месть коммунизму. Слово же товарищ произнёс по забывчивости, выдававшей его привычку и несознательность. Офицер тотчас же с угрозой поправил его.

– Эй, ты, что тебе здесь за товарищи! – Богуславский стоял, ещё жив, бессмысленно уставив глаза в мир, в котором всё было слито, но не закрыт ещё свет. Новые удары сабель врезались в голову. Коммунист свалился. Текут секунды в вечность. Он жив. Его мощная молодая фигура пытается подняться, живое тело цепляется за жизнь. Его идеал, за который он боролся в рядах Чека, лично для него – погиб.

Офицер, возмущённый иступленными и неловкими ударами чеченцев, собственноручно впускает два выстрела в голову комиссара. Когда подозвали встречную

крестьянскую подводу и положили на неё борца за народное дело – слегка прикрыв сеном, я бросил на него долгий прощальный взгляд – убедивший моё сознание, что товарищ с копной чёрных густых волос жив. Ещё можно было бы спасти боевого орла.

В этот день вблизи северо-западной части города взрывались снаряды. По контрреволюции били с парохода Чека, отступающего вверх по Днепру.

Доверия к пришельцам старой России я не чувствовал. С ними вернулась власть такой, как была. Вернулась и обнажила пустоту и ничтожество. Показала свою духовную и материальную слабость. Её победа – недоразумение, новая болячка, питающаяся патриотическим эгоизмом: дворянско-буржуазных традиций. Все они мечтали о России, но какой? Эти люди в смысле государственных форм и идеалов не могли ничего создать лучшего кроме западных образцов капитализма. Они страдали за матушку и за святую Россию – где всем им жилось широко, вольно. Россия всё давала, им было хорошо, беспечно, пока как следует не заявили о себе рабочий и крестьянин. Ещё раз очутившись в лагере белых, я понял грубейшую ожесточенность так называемого цвета из благородных воспитанных. Дело шло на жизнь или смерть. Имея возможность полностью наблюдать, я сознавал, несмотря на победу добровольцев, до чего они безразличны к той же своей России и как они бездарны, надменны, тупы, близоруки. Таковы в них плоды атавизма и рыцарства, оторванного от жизни, от своего бедного и вшивого народа.

Добровольческая армия? Она состояла из тех, кто влюблён в свои знаки отличия, золотые погоны, и была жидко прослоена насильно удерживаемыми солдатами, не желавшими и теперь понявшими, за что воюют, чего хотят от России господа.

Захват Киева добровольцами вызвал взрыв патриотизма среди лиц привилегированного сословия. При встречах с многочисленными знакомыми говорилось: такой-то и такие-то охотно зачислились в армию. Поэтому в короткий срок круг моих знакомых, приобретенных при выполнении

заказов изобразительного искусства при советской армии, теперь значительно сократился. Я только поражался, представляя себе в памяти тех или иных лиц, убеждаясь, как трудно определить скрытые переживания людей. Впрочем, я никогда не анализировал свои впечатления, удовлетворяясь только тем, что они мне давали в настоящем. От некоторых из тех, поразивших меня нарушением лояльности в событиях и категорически перешедших в стан врагов коммунизма, я усвоил культурные ценности. Они были одарённые люди и могли бы только полностью развиваться и дать неожиданные результаты в атмосфере творящей революции.

На почве необходимости реакционного подкрепления, пришла очередь за Челищевым. Мой друг явно не испытывал ни склонности, ни способности взяться за смертоносное оружие. В этом смысле он представлял собой особый тип человека, который не мог находиться в строю и ему не шло. Это он чувствовал, испытывая отвращение к роли солдата. Такого же мнения были мы – его друзья, товарищи, смеясь от одной мысли – представляя, как Павел станет отдавать воинскую честь и держать ружьё, револьвер, носить саблю и гранаты за поясом. Но, всегда есть но – фатальное или диктуется другими признаками. Челищев-отец, как столбовой дворянин и сам по себе интересный и простой человек, говорил сыну, исходя из насущных и для него священных соображений. Его отцовский долг повелевает послать сына в боевые ряды той армии, которая представляет их дело. Если их сторона не выиграет победы, они лишаться всех надежд. Они погибнут все. Старик мужественно говорил:

– Моего младшего сына Михаила убили в бою с красными. У меня остался старший Павел. Во имя памяти брата, он должен занять его место.

Моему другу пришлось уступить семье и себе. Он уехал из Киева. Долгие дни я не мог успокоиться. Проводил время в горьком одиночестве. Я потерял дружбу большого художника. Целый большой для меня мир, связанный с его живой личностью, вдруг

сразу опустел и рухнул. Мне хотелось плакать. Я впервые испытал, как болит сердце. Безнадежно утешаясь, восстанавливал в памяти последние его живописные работы. Портрет его младшей сестры Лены был у меня. Все, что осталось от нашей дружбы, вскормленной искусством. Ещё остались у меня краски, совместно приготовленная гуашь на глицерине. Приготовленные картоны, на которых мы намеревались создать новые портреты, пейзажи. Мы хотели совместно с ним поселиться и горячо счастливо отдаваться живописи. Ещё так недавно мы провели с ним ночь на вокзале в товарном вагоне, с пустыми мешками на плечах. Собирались съездить в Полтавскую губернию за мукой, но поезд не был отправлен. До нас дошли новые неутешные сведения и не выполнив намеченного мероприятия, пустыми вернулись домой. Пока надо было раздобывать хлеб в самом Киеве – постоянно страдавшем от резких перебоев снабжения. Но никакие неудачи и ничто не могло сравниться с глупой потерей моего друга. Он отправился туда, где его никто не ждал и не звал.

Комическое начало иллюзии... Но как же быть?

Пыл разгорается при наступлении. Добровольческая армия заняла Курск. Впрочем, и это теперь не в счёт, она подходит к Орлу. Поэтому многие, находящиеся здесь, мысленно представляют себя уже в Москве. Заказывают благодарственные молебны.

Искусство, укрепившее моё сознание и волю в слиянии с революцией, снова как в некоторые периоды кризиса, кажется мне самым зыбким, хрупким занятием. Для кого оно и кому теперь нужно?

– Как бы ни было плохо, а не умирать же всем сразу. – Часто то серьёзно, то шутя произносятся эти слова.. Сестра моя, способная трудолюбивая женщина, в период продовольственного недостатка, напупала на толкучке на некоторую сумму денег всякого тряпья – «драгоценного» товара для деревни. Крестьяне на деньги не продавали хлеба ни куска. Они давно потеряли доверие ко всем бумажкам: керенкам, украинкам, советским и денкинским

бонам. Придётся в крестьянскую хату, а они со смехом покажут горсти таких пустых рублей.

– Довольно с нас, видите и так богаты, – говорят они. Поэтому Таня позаботилась достать товар более необходимый. Особенно надо угодить хозяйке – сестра знает по опыту. Тогда откроются всякие кладовые, скрины, погреба и печи с горячей пищей. Обмен должен быть обеспечен хорошим.

Как же мы отправимся за мукой, салом, яйцами, маслом, за лакомыми паляницами и пирогами? – Нет, на поезде не поедим, – решает сестра. Поездом ездит большинство. А мы возьмём нашу Манечку и пойдём потихоньку пешком. Подвернуться по дороге подводы, попросим, может и подвезут.

Таня любит такие походы, находя их развлекательными вроде прогулки. Но не всегда они так легки, развлекательны и удачны. А в нынешние времена рискованы. Нам нужно добраться до одного села. Пройти через глухие деревни семьдесят вёрст, не встречая железной дороги. Я взял Манечку на руки. Двухлетняя малютка весела, поёт, умна. Мы передохнули уже в тени дубового леса. Сейчас идём по извилистым пустынным дорогам. Над холмистыми полями вечные облака едва ли знали, что такое для нас троих мука и сало. А идти все надо – и чем дальше, путь кажется бесконечнее. Теперь сестра несёт ребёнка. Отдыхаем третий раз. Дорога всё так же прекрасна, безлюдна. Текут ручьи, речки, в топких лугах ползают большие черепахи. Встречные пастухи с изумлённо-невинным взглядом подкрепляют нас из торбинок – кто чем может.

– Доберёмся скоро до села, воодушевляется сестра, отдохнём и поедим хорошего борща со сметаной. Крестьяне там богатые.

Но нужное село всё ещё недосыгаемо. Нам повезло – подвёртывается удача. Возвращается по домам телег пятнадцать порожняком. И теперь мы едем. Дорога ровная. Все пятнадцать подвод были мобилизованы добровольцами. Отвозили сено на одну из ближайших станций. Недовольные денкинским насилием хо-

зьева спешно возвращаются. С тревогой всматриваются вдаль, свободна ли дорога от бродячих солдат, – как бы нечистая сила не навела на новую беду.

Много происшествий рассказал нам хозяин подводы. Чего только не вынесли крестьяне от всех перемен приходящих и разбитых войск. На наше счастье вокруг сейчас спокойно. Мирные поля, сухие дороги влекут вперёд. После ночёвки расстаёмся с добрыми спутниками. Всего нам осталось сделать пешком десять вёрст.

– Когда увидим большой пруд, бабы мочат в нём конопель и тут же на солнце белят полотно, здесь и будет вход в село, – произносит Таня, успокоительно стараясь подбодрить.

Днём молотили новогодний урожай пшеницы. Мы попали в знакомый уже Тане дом, когда приглашенных к молотье кормили праздничной едой. Тем не менее, сестра принялась за своё дело.

– За эту рубаху, торговалась она, дайте пуд муки. За спички и соль – десяток яиц и три фунта сала.

Крестьяне любят не только рассматривать товар, но и слушать торговца. Тогда обмен идёт успешней. Таня, отметив их психологию, рассказывала всякие басни. Её слушают взрослые, зачарованные как дети. К вечеру она уже сообщает мне результаты первого дня.

– Пойди-ка ты теперь погуляй, заботливо советует она. Деревенская молодёжь собирается на углу села, почему же мне не разделить их весёлую компанию. Они будто не заметили, что я среди них чужой. Нравы простые и право даже непривычно бесцеремонные. О молодость, природа, как ты во всём чиста, когда жало придуманной искусственности не нарушает твоей гармонии.

– Слушай, Катерина, я приду к тебе в стодолу спать. Приходи, приходи – соглашается дивчина, только что ты мне расскажешь? Сказку, – отвечает хлопец.

– Если сказку, то такую, чтобы говорил её всю ночь до восхода солнца.

– Будь по-твоему. – И затянувшуюся сказку прервал лишь утренний рассвет.

Земля, словно выкупавшись в синеве звездного неба, изобильно сверкала росой. Возвращаемся другим путём. Оставшиеся вещи Таня думает обменять в одной деревне в середине нашего пути. От крестьян мы наслышались о мелких оборванных и голодных бандах. С ними справляются здесь люди больших сёл. В каждом доме есть оружие и патроны. Но если шайке бродяг встретится хутор, несколько подвод или группа людей в дороге, то страшно подумать: сохранили бы только жизнь несчастных жертв.

Входим в большую деревню на перекрёстке дорог. Поражает странная мёртвая тишина. Первый попавшийся дом стоит с разбитыми окнами, выломанными дверями, дом пуст, мертв. Внутри его все перебито, изломано, изорвано. Перья из подушек и перин разнесло повсюду, но не скрыло кровавых чёрных следов. Глубокое молчание среди всё той-же мертвой тишины говорит, как хорошо в этих домах цвела ещё недавно жизнь.

– Здесь прошли петлюровцы, – объясняет мне Таня. Сестра однажды уже проходила это место. Крестьяне все ей рассказывали. А она в свою очередь поведала мне:

– Вот в этом доме, окруженном высокими тополями, у родителей росла девушка – её звали Роза. Она была красавица, румяные щеки, длинные чёрные косы. Петлюровцы всюду пьянствовали, грабили – изливали злобу на евреев. Захватили Розу, изнасиловали, и тело её изрезали на части. Таким способом ими убито много еврейских семейств, а те, кто уцелел, и в особенности женщины – сошли с ума. Здесь нельзя брать воды в колодцах, она отравлена. Скоро выберемся отсюда и тогда закусим, отдохнём.

Человек теперь страшнее волка. Мы снимаем с плеч тяжёлые драгоценные мешки. В корзине около сотни яиц. Как бы всё это донести благополучно. Инстинктивно оглядываем горизонт. Ничего подозрительного не видим. Хотя очень тяжело нести хлеб на спине, вспоминается совет одной женщины: «В далекой дороге не думайте, что вы несёте хлеб, наоборот, он вас несёт. С хлебом можно сколько угодно идти и

отдыхать, а без хлеба, ноги не пойдут».

Мы шли долго, и чем ближе было к лесу, за которым должен виднеться Киев, тем чаще приходилось садиться. От усталости человек чуть ли не целиком превращается в животное естество. Но без Манечки – оставшейся в селе, хотя было скучновато и грустно, зато когда мы прибыли, казалось, что покрыли путь на ногах легкой кавалерии.

В начале осени, будто подчиняясь закону периода времени года, догорала жизнь близкого мне человека. Он уже не был у себя в угловой комнате – в доме, где я начинал учиться искусству живописи. Я пришёл навестить его. Оставшиеся в живых монахи – знавшие нашу дружбу, печально посоветовали мне:

– Поди-ка к нему в братскую больницу. Он так ослабел, что не в состоянии передвигать ногами. Его отнесли в больницу, теперь ему стало получше.

Отец Варлаам! Родной наш... где вы? Здесь право же задохнуться можно. Это – не больница, а трупная. Сборище разлагающихся стариков, потерявших рассудок.

– Выйдем отсюда, говорит мой друг едва слышным голосом. Тихонько под руку мы выходим во внутренний двор с фонтаном, увенчанным металлической фигурой ангела. Теперь он более не источает святую воду в обители её основателей Антония и Феодосия. Первые удары революции расстроили прекрасно действовавший в прошлом механизм. Мы беседуем сидя на скамейке. Очень рады друг другу. Не виделись должно быть с месяц. И какой это был месяц. Он сделал иеросхимонаха неузнаваемым. Лицо стало чёрным. Смерть смотрела на меня, удерживая в глазных орбитах закатывающийся свет его идеальной души. У него была своя вера: отречение от земных благ, любовь в загробный вечный мир. Этот мистический подвиг монаха, а потом схимонаха, он выполнял, как бы нарочно убивая физическую сущность, удерживавшую кое-как человеческую оболочку от распыления.

– Наш молодой благочинный приносит мне рому. Просит пить этот ром для подкрепления. Я пью, – говорит мой друг.

В былое время, он бы, я знаю, при этих словах улыбнулся, а теперь смотрит на меня чёрной тучей, гробовым мраком. Я читаю в его глазах укор.

– После моей смерти, мой дневник завещаю тебе. – Долгие годы он записывал в тетради грехи, искушения, мысли, характеристики, молитвы, откровения и чудесные явления в природе. Писал все это, как будто для того, чтобы потом завещать мне. Простился со мной, как всегда мягко и только спросил: имею ли новости о Челищеве и скоро ли приду его навестить.

Прошло некоторое время, я снова подошёл к Николаевскому арсеналу. Центральные ворота грандиозного здания военной мощи были расположены против главного входа в Киево-Печерскую лавру. С могучих тополей опадали последние листья. Я шёл в больницу, недалеко от входа путь преградил отец Василий.

– Здравствуйте! Да, вы знаете, – говорит он, – отец Варлаам умер.

Подавляя охватившее волнение, я нечаянно взглянул на мощные стволы деревьев в перспективе, на их оголённые ветви, сквозь которые виднелось серое небо осени, и мог только повторить: умер!

– Хоронили на прошлой неделе в соборе Успения божьей матери, – твердил о. Василий. Торжественно отпевал сам митрополит Антоний, в присутствии всей лаврской братии. Похоронили на кладбище Преображенской пустыни.

Теперь для меня это были слова, как из далёкого мира. Монахи не отдали мне дневник, завещанный отцом Варлаамом. С кончиной жизни столь оригинального человека, вошедшего в мою душу, кончилась жизненно-реальная сущность данного места. Всецело отошла в воспоминание, из которого, где бы я не находился, мог черпать все то, что было ценным. Ценно было искусство. В этой области действия моего существа, всегда присутствует Варлаам, принявший меня в школу и сделавшийся моим другом...

Жалким выглядело владычество белых в столице Украины. Монотонно проходили дни, похожие друг на друга. Затем постепенно оживление, но какое?

– Деникинцам надо убираться от нас, – говорили в народе. Оживление стало походить на слабость добровольческой армии. При недавнем ликования, казавшемся им, что у них в руках Москва, и вдруг – откат назад. Беспорядочное бегство. На востоке уничтожен Колчак, значит, красные войска бьют теперь по южному фронту.

Что происходит в Киеве? Нервы у всех жителей напряжены да крайности. Большинство населения, ненавидящее приход, нагайки, проявляет непреодолимую активность. Свержение буржуазной власти определяется состоянием общей заряженной атмосферы. Подпольные силы советской власти расстраивают деникинский тыл.

Населению стало понятно, что значит непрерывные выстрелы днём и в особенности с наступлением ночи. Стреляют для суматохи, стреляют от страха и с целью грабежа. Ворота нашего дома с раннего вечера дворник закрывает не только на обычный замок, он провёл ещё к ним цепь. Особенно бояться нам кажется не приходится. Мы живём на окраине города, и наш двор не должен быть приманкою для грабителей, убийц. В доме живут ремесленники и мелкие торговцы. Но все-же мы назначаем дежурства. Что же происходит каждую ночь? Горожане крепко закрыты у себя дома, никто не решается поспешить к месту, откуда слышались крики, призывавшие о помощи. Сколько же их одновременно с разных сторон доносится до слуха. И как мы жалки, печальны и беспомощны – представляя на произвол картину происходящей гибели людей, вкушая сладость своего покоя. В страшные, беспомощные ночи, шайки грабителей нас не трогают. Достаётся опять-таки израильскому народу. Кто богат? Евреи. Переживаем египетские ночи или средневековые времена. Но к этому несчастью хуже всего будет, если в виде мести, нас подожгут добровольцы. В эту ночь нас дежурило четверо: булочник, электротехник, сапожник и я.

В ноябрьский день темнеет очень рано. – Не уходи ты никуда, – упрасивает Таня. Но мне не терпится. Ведь только пятый час. Ничего, что темно, я пойду. Вдоль большой Васильковской фонари не горят, и к

тому же сырой туман не позволяет видеть край тротуара. Я вступил в самую опасную часть улицы, где раздолье грабителям, здесь в больших домах, населённых еврейской буржуазией, происходит побоище. Чем дальше углубляюсь, тем всё больше растёт беспокойство за самого себя. Такой ранний час и всюду жутко пустынно. Разве мыслимо навестить знакомых. Удивятся, скажут, странный гость. Поворачиваю назад. Меня нагоняет фигура военного. Идём вместе и как будто рады, можно хоть перекинуться словами.

– Экий туман, – досадует офицер, а мне спешно нужно на вокзал, как бы не заблудиться. – Тяжело вам, – говорю я.

– Об этом уже не приходится думать. Что за война. Каждый предоставлен самому себе. – И отвечая на наводящие мной вопросы, офицер возмущённо поясняет:

– Как же нам быть иначе. Приходится грабить, убивать. Продовольствие не выдается, одежда тоже. Несколько месяцев не получали жалованья. Фронт расстроен. Население к нам относится враждебно. Выход остаётся один: употребляя оружие, грабить в городе или деревне.

Сигнал к эвакуации войск из Киева не подан, но, само собой разумеется: механика борющихся сторон обязывает одну из них уходить назад.

Похоже на то, что мы находимся в осажденной крепости и на самом поле битвы. На вокзале на товарной станции грузятся эшелоны. На этот раз покинуть Киев решились многие семьи. Им страшно, нелюдымо и не любо жить при красных. Они предпочитают уехать, представляя свою натуральную жизнь под защитой офицеров. На тайной бирже в Петрограде, Москве и Киеве за полцены проданы дома. Продано и куплено недвижимое имущество в силу того, что рискуя наполовину, есть ещё надежда с помощью иностранцев уничтожить революцию.

В салоне, обставленном мебелью в стиле Луи-Филиппа, пожилая богачиха Анна Владимировна делает необходимые сборы. Изобретаются способы, как увезти крупные бриллианты. После кофе владелица богатств с добродушной улыбкой и

доверием к некоторым близким знакомым распускает большой нитяной клубок. Ей хочется в этот час самой взглянуть и показать всем, с каким эффектом откроется сверкающая драгоценность.

– Поразительно! Чистейшая красота! – произносят восхищенно гости, всматриваясь в содержимое бывшего клубка. Целые горсти бриллиантов и других ценностей хранятся в клубках, подушечках и подкладках одежды. Создается уверенность, что на такие богатства можно будет прожить где угодно. В этом их крайнее утешение, в виду полученных суровых уроков и суда революции.

Снег и мороз, как же это я засиделся у знакомых, забыв, что надо возвращаться домой, пройдя половину города. Мыслимо ли выходить в такой час на улицу. Вначале кругом пустынно. Набираюсь храбрости – будь что будет. У начала спуска с Печерска на Крещатик вижу группу офицеров.

– Кто идет? – раздается грозный окрик.

Господа офицеры, должно быть, думают, что я одинокий разведчик-большевик. Они вооружены всеми видами оружия. При них пулемет. Это не шутка – мелькает в голове. Нервы у них взвинчены. Их ремесло смерть. Чуть что, одна подозрительная нотка в моем ответе и убьют немедленно. Проникаюсь спокойствием, будто рад видеть своих, и тем не менее душа готова заскочить в пятки. Я встретил диких людоедов.

Заходил к своему больному другу-художнику Челищеву. Помогал ему упаковывать вещи. Завтра он должен уехать с санитарным эшелоном в качестве добровольца, состоящего на службе при штабе. Несколько секунд молчания. Взгляды. Их, видимо, смущает моя военная шинель без погон и фуражка без кокарды. Совсем как у большевика. Впрочем, мало ли таких, как я, донашивают старые шинели за неимением другой одежды. Право, кто может выглядеть более мирно, чем я. Не то, что револьвера или другой компрометирующей вещи, при мне не сыскать и ножичка. Убедительно всё это? Конечно, глядя и на моё лицо, очень убедительно. В нём ничего нет злого, грубого. Стою и смотрю на них скорее как овечка.

– Проходи, – сказал резко пузатый офицер с серебрянными погонами полковника.

После такой встречи, не помню, как я добежал, перелезал через высокие ворота в наш двор и за весь этот путь, пронизанный ружейной и пулемётной стрельбой, окликал ли меня кто-нибудь – не помню.

В следующий вечер провожал Челищева. За короткое отсутствие он очень изменился. Заболел и вернулся в Киев, но вскоре выяснилось: счастье победное не на стороне тех, к кому он примкнул. Пришлось покинуть Киев. Я нёс на плече его самый тяжёлый чемодан. В этот вечер было много тише, чем в предыдущий. Стрельба раздавалась почти исключительно в том районе, куда мы направлялись – проходя пустынные улицы в девятом часу вечера.

Эшелон находился на товарной станции – представлявшей некоторое оживление. Здесь можно было видеть добровольцев. Они держали все транспортные средства наготове. Только, куда же будут уходить? Раньше я часто получал от Павла письма, а теперь наша связь должна будет оборваться.

Сидим в товарном вагоне, где у Павла есть уже место. В социальном смысле – мы с ним враги. Но власть искусства оказывается сильнее обстоятельств. Мы тут же на примерах природы находим возможность любоваться композицией – тяжело утомленных спящих людей. Между нами вспыхивает важный разговор. После изучения Софийского собора мы занялись стилем Джотто. Его монументальные формы, формальный принцип выполнения – наивысший синтетический закон в искусстве, достигнутый столь объективно глубоко. Увлечённые строгим идеалом Джоттизма, мы фанатично уничтожаем Леонардо да Винчи. Гений ренессанса – не красноречивый ли результат упадка. Вся эта эпоха искусственно насыщена элементами древности. Перенесена на почву, не открывшую оригинального стиля архитектуры. Леонардо да Винчи и уж конечно Рафаэль, доказывают, насколько живопись разошлась с первоначальными начинаниями крепости и гармонии непосредственно и органически вдохновляемой архитектурой.

– Едем вместе. Что тебе делать одному в Киеве. Не будем расставаться, – горячо предлагает мне друг.

В момент разлуки чувствовалось – он большой друг. Тяжёлые болезненные удары в сердце. Взаимная близкая привязанность, делающая столь приятной и легкой всё. И одновременно с этим – заманчивая неизвестность, заключающаяся в том – что впереди? С таким, как Челишев, можно согласиться. Но если б путь, на который фатально стал Павел, имел перед собой иную цель и исходил из других обстоятельств, тогда бы мы вместе провели остальную часть ночи.

Встретив новый день, прежде всего и больше всего я был рад возвращению большевиков в Киев. Это сознание вызывало во мне живой глубокий интерес и энергию к явлениям быта. В атмосфере советской власти, даже механически избавлялся от тупика. Передо мною открывалась бесконечность. С жизнерадостным ощущением я ожидал с их приходом увидеть подлинную, простую, живописную массу – несущую на красных знаменах новый идеал. На пути Челищева ничего подобного не было. В его стане чёрные знамена с изображением черепа и сложенных на крест костей. Мы расстались на грани двух миров.

Контрреволюционной армии приходилось рассчитывать на свои офицерско-юнкерские немногочисленные кадры и прекрасное техническое вооружение. Они доказали свои преимущества в самое решительное время:

– Что ж, сдадим Киев большевикам или удержим за собой?

В начале ночи я проснулся от сплошного воя орудий. Это был артиллерийский ураган. В течение большого времени нельзя было уловить мига тишины – перебоя. Если борющиеся силы пошли на то, кто кого скорее уничтожит, – что же станется с населением? Погибнем в развалинах или будем снесены взрывами во дворе, на улице. И вдруг совсем близко где-то между нашими домами всё изворачивает, разносит – взрыв! Звенят и сыпятся стёкла, сотрясаются стены, град камней, обломков летит по крышам. Люди падают, стонут,

кричат. К счастью тяжёлый снаряд упал на трамвайный путь, проходящий по краям улицы. Снаряд разорвался вблизи деревянного дома, ранил и оглушил в нём семью. Чёрная, глубокая, сырая яма зияла раной на дороге. С пути вырвана и унесена неизвестно куда длинная стальная полоса рельс. Этот снаряд пущен был в тыл белым. Никакой огонь деникинцев не мог остановить напора красной армии, перебравшейся через Днепр. Наутро советские войска, войдя с обозами в Киев, танцевали у костров.

На повозках алые знамена с лозунгами: «Да здравствует мировая коммунистическая революция». Я ощущаю в себе живительную дрожь. Как давно не видел эти языки пламени революции. Без них было пусто и гнило. С приходом советских войск светит творческий свет. Агитационные пункты, а где их нет? На каждом шагу афиши, листовки, брошюры, книги, газеты и журналы. Читаешь живые кипучие речи, статьи вождей и рядовых. Видна печать, понимающая народ и знающая, как к нему обратиться. Революционная философия, наука, искусство овладевают его сознанием, организуют, внушают достоинство и веру в коммунистический идеал. Пролетариат и крестьянство верят в то, что только сообща они победят капитализм и построят внеклассовое общество. Советская печать превосходное оружие, увлекательное, учащее и действующее смертельно против врагов.

Подхваченный духом революции, я тут же написал рассказ под названием: «Идут Красные Бойцы» и подписав псевдонимом Клиред, отнёс в редакцию Бунда. Излитый энтузиазм не был напечатан. Потому ли, что сюжет выражен сантиментально или изложен неудовлетворительно литературно, или не нашлось времени прочесть случайного автора. Бунд вел свою политику и за несогласованность доктрин с центральной властью вскоре перестал существовать. Это обстоятельство как бы удовлетворило меня за «Идут Красные Бойцы», не увидевшего печатного света.

С Зёмой Никритиным до сих пор виделись несколько раз. Очень запечатлелась

одна встреча в прошедшую весну на улице под вечер. Заговорили немедленно об искусстве. Товарищ интересовался, много ли работаю и над чем. Сейчас моя работа состоит в том, что я много думаю – продолжая беседу, развивал перед ним своё внутреннее состояние. Оно было во мне таким, что казалось, переживая созерцанием натуру, получаю удовлетворение, равное тому, как если б создавал реальное произведение. Затем, прежде чем взяться писать картину, необходимо многое обдумать, изучить. Моя стремительность в мире возникших чувств, систем, исторических школ и современных направлений перерабатывает наследственные ценности. – Я люблюсь, – говорю Зёме, – выложенными камнями мостовой и голубым небом, подёрнутым вечерней пылью испарений. Поражаюсь единству, стройности и мягкости, отличающих волнующую глубину. Эта созерцательно-мыслительная работа до того меня захватывает, что мне кажется, в этом состоит главный прогресс художественного развития. И пока таким образом вдохновенное наслаждение не прекратится, я буду следовать ему – надеясь открыть для себя то, что наиболее должно соответствовать внутреннему призыву и прочности моей индивидуальности.

Зёма слушал меня со всем присутствующим ему вниманием и чуткостью. Смысл рассказываемого был и ему очень близок. Он переживал то же, что касалось теоретической сущности искусства. Тем не менее, наблюдая характер страстности моего высказываемого отношения к природе, он нашёл возможным остановиться на следующем:

– Наблюдать и думать? – говорил он, – нужно. Но вы никогда не сможете выразить свою индивидуальность полнее, если не представите себя в созданной вещи. Центр всего – найти себя на плоскости картины. Все наши отвлечённые переживания тогда конкретны, когда мы сумеем овладеть ими в процессе работы – выразив идейную сущность в материале. Нужно свои впечатления с палитры переводить в цвета на полотно ежедневно. Полное и плодотворное аналитическое и синтетическое выражение

себя возможно только таким способом. Следить за собой в каждой мазке кисти и в линии овладения формой.

Это был прекрасный вечер, вызвавший подобный искренне захватывающий взаимный разговор. Он был, как будто заранее обдуманное предисловие к будущим действиям дружбы.

Первое время нашего сближения происходит во взаимном ознакомлении с работами. Зёма показывает своего старика. Он постоянно обращает всё моё внимание на общий тёмно-коричневый, тепло-зеленый тон. Его тонкие нервные пальцы быстро ощупывают поверхность красок. Отдаю должное искусству техники и способу выражения подлинного живописного достоинства, проникаюсь оценкой портрета старика и одновременно силой возникшего во мне свежего чувства, – верю в существо души автора. Недостатки и слабость покрываются самоуверенным сознанием, в которой творческая цель насыщена внутренним воображением. Зёма пылает любовью к своему старику. Какое счастье быть очевидцем и разделять идеальное чувство художника к своему детищу.

Ещё в начале нашего сближения в Зёме открывается вся его чистота, наивность, достоинство. Его качества природы влекут к себе, привязывают, вызывают нежность и направляют все помыслы только к искусству. Он держит себя как мастер, как сложившийся художник. Этому способствуют доказательства и заслуги в прошлом. В его биографии и деятельности имеются веские места – исключительные и завидно-счастливые. Таким со всей его очаровательной скромностью и простотой, он приходит ко мне. Как свежи и душисты были часы и дни наших первоначальных встреч.

В период владычества добровольческой армии, я успел сделать серию эскизов и довел до относительной законченности полотно «Купальщицы». Показывая эту работу, как мой козырь, я испытывал в себе потрясающую застенчивость. У меня не было ещё опыта создавать станковые картины. Я упорно бился и при этом с растерянностью убеждался, как много, долго нужно работать, чтобы почувство-

вать себя независимым мастером. Когда я писал сногшибательно быстро плакаты, то был заражён коллективной волей. Мои непосредственные впечатления тут же на месте получали окончательное осуществление. И нечто совсем противоположное стал испытывать, работая над холстом одиночкой. Я выбивался изо всех сил на вершину, чувствуя себя связанным неопытностью, как идти, как писать подъём. Зёма не обрушился со строгой критикой на мою живопись. Он проявил тонкую деликатность. Указывая на слабые места, хвалил другие, где свойства живописи достигнуты удачно. Мой друг понимал оптику самой живописи – исходя главным образом из традиции французской школы. Он впитал в себя импрессионистов вплоть до Сезана. Периодами отдавал дань кубизму. Как и следовало его культурному уровню, он не чужд был восхищению Тицианом или Веронезом, Испанской и Фламандской школой. Тут же за моими работами – вспоминая, мы горячо отдавали должное великим произведениям искусства. В атмосфере их услады, бодрости, крепости и вдохновения мы часто заканчивали наши обычные ежедневные встречи.

Население города в течение этой зимы подверглось тяжелейшим ударам небывалого испытания. Заразой тифа признаны вши. Люди избегали появляться в местах, где толпа народа, раздеваться там, где на вешалке одежда других. Кажется, чеснок признан был единственным средством от болезни, избравшей жертву в каждом доме и квартире. И не любя чеснок – ели, носили на веревочке под платьем и в карманах. Но запах чеснока не мог заменить мыла, создать в комнате тепло, напитать истощённый организм притоком витаминов.

В одном советском учреждении объявлен конкурс на лучший плакат по борьбе с тифом. Для Зёмы означенный конкурс – соблазнительный повод создать нечто ценное в смысле отвлечённой романтики. В отыскании наибольшей плакатной выразительности и губительности тифа, он приходит к простому обобщению: создать революционный, синтетически-дина-

мический акт. Его эскиз показывает изящного, стилизованного коня. Всадник с крепкой головой, со сдвинутыми бровями над строгими, глубокими глазами представляет огненную стихию революции, разрушающей до основания старые формы России. Для того, чтобы художник-энтузиаст мог закончить данный акварельный эскиз, его мать заботливо кипятит воду и жертвует свою пастильную конфету с примесью сахара. С физическим трепетом, ощущением притока энергии Зёма откладывает кисть и озябшими руками обхватывает горячий стакан. Снова его глаза загораются вдохновенным блеском. Он запекает мелодию из оперы или еврейскую песню. Мать счастливо смотрит на сына и, чтобы согреться, окутывается в одеяло. К счастью, в лампе есть ещё немного керосина. Печь не топлена. Это вызывает нервную судорогу в выражении её лица. Зёма спрашивает:

– Мама, давай разломаем шкаф.

– Да мы и так сожгли вою мебель почти, – горестно отвечает она. Впрочем, как хочешь, – добавляет мать. Только не лучше ли подождать до завтра. А ночь переспим как есть.

На этом предложении сын успокаивается. Шкаф будет немедленно сломан завтра утром. Шкафом вытопить печь – хватит раза на два.

Что касается моего отношения к конкурсу по борьбе с тифом, я долго не раздумывал. В печатных ли афишах или в другом виде мне хотелось показать населению Киева чудовище, загоняющее людей в могилу. Представить это существо голо без всякой эстетической одухотворённости. Найти вошь в своём белье, долгих усилий не потребовалось. Пойманную модель быстро зарисовал. При этом я никогда не испытал более омерзительного отвращения к этому насекомому. Изучая, убедился в сложности его строения – способного к прожорливости. Я забыл о красоте, без которой может ли произведение представлять ценность искусства? Затем моё воображение придумало дать ей ещё другого спутника. Рядом с вошью поставил несущуюся с собой смерть. На этом творческая фантазия,

отличившаяся не утонченностью, а подлинной грубостью – пресеклась.

Прежде чем показать эскиз, я стал думать, какое он может произвести впечатление. Чувствовал, что не остроумное, а скорее дерзкое и пожалуй трагически величественное. Что касается мнения в оспаривании премии, я предчувствовал его отрицательность.

– Зачем вы решились, дружески уверещевал Зёма, изобразить такую банальную штуку. В вашем эскизе вы поддались линии наименьшего сопротивления. Зачем эта вошь и смерть с косой!? Разве нельзя было вам по-инному углубиться и достигнуть результата, не поддаваясь дешёвке, тогда это было бы ценно в смысле суждения о вашей индивидуальности и прежде всего полной независимости художника. Конечно, прибавил Зёма, такой замысел может в данных условиях обратить главное внимание на себя. Скорее всего, ваш эскиз будет принят.

Мой соревнователь не ошибся, начальство выбрало мою работу и постановило: отпечатать в кратчайший срок в красках с соответствующим текстом, как убить вошь и уничтожить тиф. Но тиф, косивший жизни людей, пока не остановлен.

Внутренняя работа, налаживавшаяся мерами советской власти, вдруг сметалась последствиями военного положения на фронте. Город внезапно покинут большевиками.

– Большевики ушли, большевики ушли, – передают друг другу жители. – Что, как! Неизвестно, ушли и всё! – Кто же теперь будет владеть столицей Украины? Опять белые? Или снова пришли петлюровцы? А может город уступили махновцам? Или мы находимся во власти произвола неизвестных банд? Эти уж по-своему покажут всему населению, какие они отличные хозяева.

В течение ночи базарная площадь с прилегающими улицами тесно заполнена прибывшими обозами.

– Нас силой заставили ехать в Киев, – говорит мне крестьянин. – Кто же это приказал и много ли их? – крестьянин бросает на меня подозрительный взгляд и без дальнейшего желания вести разговор отвечает.

– Кто они, я не знаю. А много ли, не видал.

Мое излишнее любопытство в данном случае меня самого смутило. Так ведь можно легко сойти за шпиона и быть расстрелянным на месте.

Очень странную полосу переживают горожане, Киев занят белыми – это несомненно. Но очевидно и другое, красные где-то недалеко. В полдень, говорят, они снова овладели городом и дошли до центральной улицы. Будет ли продолжаться на территории улиц в течение дней, недель, этот прилив и отлив борющихся сил? В городе ничего достать нельзя. Голод... К счастью, еще действует водопровод. Снаряды днём и ночью пробивают крыши, толстые стены домов – внутри их опустошают все живое. И нет никого, кто бы заступился за нас. Ложась спать, отгоняешь навязчивую мысль, а вдруг сюда влетит и тогда разорвётся снаряд, тогда завтра для меня уже не будет – раздавит как клопа. Удивительно, что в течение этих долгих дней – нервно-притуплённого состояния, стали еще беспокоить крысы. Переселяются, что ли? Под полом отчаянные взрывы – грызня сильных и неумолчный писк слабых. Запустить бы туда артиллерийский снаряд, чтобы перестали бушевать.

Хозяйки семейств устраивают обмен:

– У вас есть крупа, спрашивает соседка, – не обменяете ли на соль? – Другая даёт немножко муки за картофель или кусочек сала. Но всё-же такое положение невыносимо. Лавки, магазины закрыты. Впрочем, в них ничего нет. Это одно воспоминание о былом. Надо решиться всё же выйти со двора. Может быть на товарной станции можно что-нибудь достать. В крайнем случае, принести оттуда полено или выломать по пути доску от забора.

Пулеметная стрельба притихла. Случайных вагонов с признаками оставшихся продуктов на товарной станции, конечно, не найти. В одном месте остался след муки и рассыпанный овёс. Надо сгрести хоть это. И как можно скорее убраться отсюда.

Белые решаются пожертвовать паровозом. Человек соскакивает на ходу и машина, развивая скорость, слепо несется на блиндированный поезд красных. За железнодорожным переездом в это время

один несчастный вор поплатился жизнью. Другой – оставшийся в живых, – сидит над окровавленным трупом и плача повторяет: – Зачем убили моего брата?!

В течение прошлой ночи противники с обеих сторон развили бешеный огонь. Наступившее утро внесло сразу успокоительную тишину. Интересно выйти и посмотреть, что случилось, какая перемена, есть ли жизнь на улицах? Вскоре, проходя за угол нашего дома, я убедился, что люди, несмотря на солнечный весенний день, из домов не вышли. Тем не менее, у меня возникла соблазнительная мысль: зайду-ка я наведуюсь, узнаю, как провела это время Анна Николаевна. И хоть идти к ней далеко, все ж пойду.

Большая Васильковская улица никогда не казалась мне столь широкой, как в это утро. И к тому же загадочно-пустынной. Из закрытых ворот покажется какая-нибудь фигура, постоит и, сжавшись, поспешно исчезнет с профиля тротуара. Дальше натыкаюсь на разбитый артиллерийский парк: брошенные орудия, убитые лошади. У одного дома сидит человек с повисшей головой, как-будто уснувший. Но когда подхожу ближе, не удивляясь, вижу, что он убит. Убийцы издевательски надвинули котелок ему на лицо. К груди приколоты надпись: «убитый жид». Поперек всей улицы нахожу ещё несколько убитых человек – и всё молодые евреи. И чем дальше иду, тем спокойствие моё нарушается всё больше. На центральной улице тоже пусто. В случае надобности, открытого двора не найти. Встречаю группы военных. Они интересуются видом домов. Требуют открыть двери, бьют прикладами витрины. Теперь я уже не иду, люблюсь необычайный утром, а несусь. Явно, попал, словно в водоворот. Сложный вопрос – выбраться отсюда живым. Но я уже на улице, где живет Анна Николаевна.

– Кто идёт? – проверить у него документы!

Группа офицеров во главе с полковником, обратившем на меня столь особое внимание, переходит улицу, направляясь ко мне. У всех на лицах убеждение: им попался шпион. Очевидно, побледнев, объясняю куда и зачем иду.

– Документы! Документы! – нетерпеливо требует офицер. – Не разговаривать, – в его руке револьвер гарцует, как пылкая лошадь под опытным всадником, будто говорившим: не дашь нужный документ, нажму шпоры в лошадиные бока и сне-су твою шпионскую, большевистскую голову. Случайно сохранившаяся студенческая книжечка – выданная Украинской Академией Художеств, пролила свет. Я почувствовал на их лицах свое спасение. Хотел ещё вдобавок любезно пояснить им, какова в сущности моя необычайная прогулка. Но офицер, грозно нахмутив брови, дал почувствовать мне на лбу дуло револьвера, повелительно закричав:

– Ни слова, а то застрелю. Пошел вон! И не шляться здесь!

Я побежал без оглядки и через несколько минут достиг цели.

От Анны Николаевны и её соседней – выслушал все новости. Перепуганные, они ждут ещё худшего.

– Если не убьют на улицах, то в другом случае придется сгореть или умереть в развалинах дома.

Возбуждённые до крайности, они считают каждый орудийный выстрел, ждут, что он вот-вот обрушится на их жилище.

– Смотрите, из наших окон хорошо видно, куда попадали снаряды – поднимая столбы долго не оседающей каменной пыли.

Вижу, что среди этих замкнутых квартирников, я – самый хладнокровный человек. Однако довольно, нужно возвращаться домой. Но идти ли мне тем же путём? Спрашиваю себя, выйдя на уютную улицу. Пожалуй, идти, как шёл, этот путь изведен мною. Но скоро убеждаюсь, что значит изведенный обратный путь. Возобновившаяся стрельба спутывает мне шаги. А как хочется домой. Чувствую, здесь на какой бы дом не бросил взгляд, всюду ответ: ты чужой. На пустынной улице носится смерть. Когда над ухом засвистывают пули, прячусь за карниз. Смешно прятаться, когда кирпич стены прикрыл лишь один мой бок. Бросаюсь вперебежку. Вдруг у противоположного угла появились трое военных с пулеметом. Теперь, по крайней мере, собственными глазами вижу войну.

У стреляющих вид точно как у охотников: сосредоточенный и не злой. Разговаривают спокойно, как те, у кого дело находится в привычных руках. Но больше и приятнее всего меня удивило то, что я неожиданно налетел на линию красных, ведущих нападение на товарную станцию. Все же задерживаться на этом месте нельзя. Враги вышли на открытое место, видят друг друга хорошо и вопрос, кто сильнее, решится быстро. Мое же дело – не лучше ли скорее пробираться домой? Да, я бегу сквозь режущий ветер пуль. Уже не всё ли равно теперь. Прикрыться смогу лишь пробежав обнажённое садом расстояние – простор двух холмов. Я, как бедный заяц, не могу одним духом одолеть опасное расстояние. Учтя это, делаю передышку, встретив словно кочку – бугорок снесённой ограды. Вокруг него падают ветви, сражённые градом пулемётного огня. Киев целиком переходит в руки советской власти. «Заяц» добежал домой, когда товарная станция сдалась.

За подписью коменданта Киева товарища Мелышка, немедленно вышел приказ: ввиду чрезвычайного положения объявляются различные мероприятия власти. «После восьми часов вечера появляться на улицах города строго воспрещается». Политуправление XII-ой армии разъясняет общее положение и призывает всех рабочих и крестьян ещё тесней сплотиться вокруг своего Советского Правительства. Моему воображению предстали на красном полотнище горячие слова: «Да здравствует мировая революция! Да здравствует Красная Армия!»

Органы центральных учреждений теперь в Киеве не действуют. Почётное положение и ореол столицы Украины принадлежит Харькову. Мы чувствуем себя будто разжалованными. Но вскоре эта острота проходит, и в укладе жизни провинциального города закипает поглощающая нас деятельность. Занята опустевшая большая, буржуазная квартира.

Волей отдела Комиссариата Народного Образования здесь открыты Государственные Художественно-Декоративные Производственные Мастерские. Открыва-

ется общее собрание художников, на котором скульптор Кратко – правительственный комиссар, объявляет юридические начала и практические цели работы в мастерских. Работники снабжаются продовольствием, получают за счёт государства материалы, получают жалованье и имеют право выбора своего делегата в совет рабочих и крестьянских депутатов.

С первой же встречи между нами происходит столкновение. Идеологические взгляды на искусство разделяют нас на два лагеря. Закваска начавшейся борьбы определилась, но реальная действительность пока не предъявляет к нам высоких требований. В частности, это очень зависит от личности комиссара. Он, надо же сознаться, одарён мелким деловым сознанием.

– Надо сделать столько-то звезд. Выполнить с фотографий столько-то портретов вождей революции.

Конечно, эти вещи очень нужны для механизированной пропаганды. Ее ремесленный характер поглотил часть культурно отсталых рабочих сил мастерских.

Недолго пришлось дожидаться заказа и мне, за который можно было бы охотно приняться. Нужно выполнить большой фигурный плакат для улицы. Я принялся писать, не испытывая какого бы то ни было стеснения – чувствуя за собой силу прошлого. Моя уверенность, репутация перед товарищами вызывает волны новых чувств неиспытанного удовольствия от страсти писать цветами. Производить работу, вкладывая в нее искусство, возвышает человека над обыденным уровнем житейских дел. Погрузиться в ощущение красоты для того, чтобы изнутри показать людям упоительную силу природы. Удовлетворяя этот творческий инстинкт, я не жалел красок. Мне хотелось из плотности двух–трёх слоев, выжать наивысшую чистоту цвета, заряженного предельным напряжением чувств. Игра переживания души и тела с материей – искусство действующего света в спектральном сочетании. Значит, в простом понятии – вечная необходимость в познании совершенствования формы, идеала, абсолютного строения законов природы.

При выполнении этого плаката произошло моё знакомство с художником М. Л. Бойчук. Мы встречались с ним и раньше, когда он по приглашению комиссара Кратко согласился быть главным художественным руководителем мастерских. Его вхождение сделало атмосферу единственно возможной для выполнения искусства. Он непримиримый враг тех, кто носится с искусством, но не в состоянии доказать на деле. Идеалист и строгий цельный реалист, он враг нездорового в крайних и пошлости в отсталых живших течениях. М. Л. выдвигает свою реалистическую монументальную систему. Он за школу, основанную на связи с мастерами истории. В этом смысле школа представляется ему всечеловеческой, но прежде всего построенной и питаемой на национальной почве, жизненность его идеала в том, что, будучи широко современным, он желает освободить искусство Украины от слишком подчиняющего влияния властвующих течений в странах Европы. М. Л. учился под руководством немецких профессоров в Мюнхенской Академии. Затем четыре года ушло на Париж. В то время он встречал молодым Дерена, Пикассо, Брака и других теперь знаменитых мастеров Франции.

Свойства личности М. Л. открылись мне постепенно. До нашей встречи в производственных мастерских препятствием для оценки его как художника мне мешал круг идей, в которых я считал себя со своими друзьями независимым и насыщенным более выразительными элементами чем то, что выполнялось им и его учениками. Закономерные принципы его композиции я принимал за механическую стилизацию, а тона мне казались слишком условными, слащавыми, лишёнными порывов непосредственного вдохновения. Но наряду с этими отрицательными впечатлениями, я поражаюсь его сектантской обособленности и воинственной непримиримости. Активность личности этого сорокалетнего человека легче и яснее открылась мне при завязавшемся дружеском общении.

Смотря на плакаты, он ласковым голосом произносит: Вы талантливый. Причём М. Л. обычно говорил по-украински, я же –

по-русски. Поглощённый впечатлением радостного открытия, он устремляет на меня блестящие голубые глаза.

– Создаёте хорошие цвета. Вы могли бы, – продолжает он, – писать фрески.

В момент высказывания приятной мне похвалы, улавливаю его восторженную улыбку. При этом замечаю внимательно устремлённый взгляд Зёмы. Он рядом со мною занят своей работой. С тех пор, как мы очутились в мастерских, в нашей дружбе произошёл перелом. Зёма развивался бурно, позволяя мне оценить его сильный и блестящий темперамент. В наших отношениях закончился период идиллии, когда мы чувствовали себя почти одинокими и отрезанными от всего мира – мечтая о Москве в течение всей прошедшей тяжёлой зимы. Теперь мы оба находимся здесь на положении мастеров. На нашей обязанности – руководство работой учеников и подмастерьев. Перед нами открылось новое поле деятельности. В течение времени всегда происходят удивительные вещи. Доказательством этого явилось сближение с М. Л.

В данный период развития гражданской войны и овладение советской властью Киевом, М. Л. занял в нашей среде центральное место. На него можно было положиться. Его художественная культура указывала путь вперёд и только вперёд!

Весеннее солнце ласково пригревало, отдавая свою неиссякаемую энергию возлюбленной земле. Зёма дружил с талантливой Шор и ставил декорации для балета Нижинской «Половецкие пляски». Серьёзный и нервный Седляр работал вместе с Оксаной. Кальбер очень внимателен к Лиде Мандель. Я однажды принёс букетик фиалок Наде Хазиной. У нее самый красивый точёный лоб. Меня влечёт к ней, у неё живой, насмешливый, иронический, задорный и нежный взгляд. Принимая от меня фиалки, она спрашивает, читал ли я серьёзную книгу «Проблема формы» Гильдебранта. Исчерпав этот вопрос, ми переходил на поэзию. Надя дружна с Осипом Мандельштамом, знает на память его многие стихи из книги «Камень». Она с увлечением толкует мне значение твор-

чества поэта Анненского. Надя может говорить почти обо всём.

– Анненский, – говорит она, – интересный поэт не только потому, что у него большая эрудиция. Особое свойство поэта: оригинально мыслить. Но оказывая влияние на других, он все-же не понят широко и не оценён. По культурному уровню высоко стоит Александр Блок.

У Нади аналитический ум. Когда она высказывается, у неё широко раскрываются глаза и смотрят с опьянённой дымкой сквозь воображаемый довод. Обычно же взгляд трезвый, пронизательный. Мы познакомились с нею сравнительно недавно. Открывая почву для дружбы, Надя стала со мной очень откровенна. Моё желание подарить ей фиалки совпало с началом периода ареста М. Л.

Всем хорошо известно: если дело попало в Чека, это не шутка. Пришли к М. Л., показали ордер на арест и повели в грозное учреждение. Нам стало известно – на него донесли. Когда большевики отступали из Киева, он якобы находился в связи с украинцами, боровшимися против коммунизма. Очевидно, его личные враги пожелали использовать момент и таким образом посчитаться. Всё это были только догадки. Дни шли, а М. Л. не выпускали. Однако было известно: он не расстрелян.

Встречаясь ежедневно с Надей, помимо личного беспокойства, я разделял её женские чувства, особо болезненно выражающиеся к такому несчастью, как арест и угроза смерти.

– Я люблю М. Л., – стонала она. – Что сделать? Как спасти его. Как доказать его невиновность? Нельзя ли это доказать через ваших знакомых, – просила Надя. Конечно, в общении с ней моё желание выпутать жертву становилось более настоящим. Я вспомнил о своём знакомстве с одним пианистом, хорошо знавшим Р. Мой знакомый обещал поговорить, снести об этом деле с председателем Украинского Совнаркома.

Однажды под вечер – благодаря содействию знакомого, мы вошли в секретный отдел милиции. Думали, может здесь обнаружатся следы и мы узнаем, почему арес-

тован М. Л. Но в так называемом секретном отделе милиции мы нашли в беспорядочном состоянии архивы царской тайной полиции. В многочисленных жутких альбомах хранились фотографии преступников и убийц с указанием примет. Конечно, среди них М. Л. не оказалось. Нам встретились ещё различные неожиданности в поисках средств защиты узника, как вдруг он вылетел на свет сам. Чека не нашло улики основательными. И Надя могла быть снова счастлива с профессором М. Л.

Как-то совершая прогулку вместе с Надей, мы осмотрели фрески Софийского собора и вышли на Владимирскую горку. Здесь особенно сильно чувствовалась весна. Мы сели на скамейку, отколупывая болотистую землю от ног. Находясь здесь, сколько угодно смотри и не насмотришься на широкие воды Днепра. Уходя, никогда не скажешь, довольно! Покинешь это место только с сожалением невольно возникшей мысли о скоротечности человеческой жизни. Мы смотрим на поля, на нашу большую реку, в весеннюю пору превращённую в море. Из уст Нади легко текут слова то об искусстве, то об М. Л. Я слушаю её с затаенным вниманием, и боль доходит до моего сердца, но вывести себя из равновесия я не дам. Что такое любовь? Разве я знаю. Ее нужно сейчас же доказать. Похитить целиком двадцатилетнюю жизнь этой девушки и оберегать её только для себя, спрятать ревниво от всех глаз и от сильного очарования М. Л. Слушаю Надю с непроницательным видом. Боль ударила в сердце, а теперь опьянела и вскружилась голова.

С Владимирской горки обширный вид и на небо. Глаза поглощают его свет без остатка. Не поэтому ли голова подверглась столь сладкому опьянению, откладывающему жало в груди.

– Вы не можете сильно со всей страстью желать, – произнесла приговор Надя. – Вы не в состоянии любить женщину целиком, Клина, вы как мальчик.

Надя высказала мне печальную правду. В её голосе разочарование, горечь. А глаза спрашивают, что же такое дружба, любовь и вся жизнь? Жизнь скоротечна.

– Посмотрите на воды Днепра, – говорю я Наде. В этом – любовь, видите, как широко разливается русло реки, а то сужается так, что еле-еле не засохнет под ударами солнечного зноя.

Драма весны выравнялась положительной стороной молодости. Оставаясь наедине, я поддаюсь влечению находиться с Надей. Зрительная память помогает мне отдаться наслаждению. Рука уверенно чертит её лоб, глаза. Вот она вся. Но искусство удовлетворено ещё не полностью. Надо рисовать и еще искать идеал иллюзии, очарования? Идеал революционной романтики? Идеал Надиных двадцати лет.

Дела в мастерских принимают желательный оборот. Наша обеспеченность – милитаризация. Числимся в седьмом красноармейском артистическом батальоне. Заведующий хозяйственной частью мастерских товарищ Зак отлично заботится о нас. В данное время иметь хорошего заведующего хозяйственно частью – это счастье. У Зака – призвание быть им. С каким достоинством и сияющей улыбкой он развешивает для нас красноармейские пайки в устроенной им кладовой.

– Не то ещё будет, если б вы избрали меня членом в городской Совет Депутатов, – любезно заявляет наш завхоз. Он успешно добыл для нас самое трудное – пайки, так почему же не оказать ему этой чести для общей пользы. До начала выборного собрания Зак находит сторонников во главе с таким энтузиастом как Зёма. Но без борьбы не обойдется. В члены Совета Депутатов желает быть выбранным комиссар Кратко. Кто из нас осмелится голосовать против него? Собрание в полном составе. Выставлены две кандидатуры: Кратко и Зак. Выступают один и другой. Затем слово берёт Зёма.

– Товарищи! Художники! Среди нас два кандидата в Совет Депутатов. Все мы теперь хорошо знаем комиссара и скульптора Кратко. Успели узнать и оценить по заслугам завхоза Зака. Но я хочу здесь говорить только о Кратко. Буду очень откровенен и со всей решительностью должен сказать: товарищ Кратко не подходящий человек для представления от нас в члены

Совета Депутатов. Мы не можем иметь к нему никакого доверия. Почему, сейчас докажу. Кратко не предан общим интересам. Официально здесь числится только имя Кратко, а самого его не найти среди наших работников. Кратко работает только для личной карьеры и, пользуясь своим положением, достает для себя лучшие заказы. Вы слышали, он собирается приступить к сооружению большого памятника Шевченко. Товарищи, раз я стал на путь откровенный, беспощадной критики, то и заявляю: кандидатура Кратко не только не подходит для избрания в Депутаты, но он и как скульптор должен быть отставлен от заказа по выполнению памятника Шевченко. Мы имеем случай и не один – видеть его слабые, бездарные скульптуры. Пусть такие произведения, на которые он способен, терпят где угодно, но не на площади в памятнике великого украинского поэта, куда отпущены значительные народные средства.

Зёма продолжал яростно нападать. С самого начала он возненавидел мелкую душу Кратко. В речи, насыщенной казалось неудержной – слишком смелой пылкостью, он вскрыл гнойный пузырь. Поражённые, мы с затаённым вниманием слушали блестящий ораторский талант. Он один сказал все, больше прибавить нечего. Кратко с деланной улыбкой молчал. Зак, торжествуя, помолодев на несколько лет, с нежностью и задором смотрел на того, кто увлёк за собой всех избирателей и предназначал ему депутатский мандат.

Почувствовав себя на пьедестале завидного положения, Зак стал меняться, теряя прежнюю простоту, но не энергию во славу мастерских. Зёма же после заметной выборной речи, продолжая углублённо работать, мыслить, мечтать, испытал внутренний перелом. Он понял, что такое революционная политика, и какие она может вызвать желательные и не желательные последствия. Мы не выходили из огня и зарева гражданской войны.

Выборы нашего депутата произошли в обстановке, когда мы были нагружены работой по проведению выборной кампании. У нас имелся список лозунгов.

Мы должны были в избирательном искусстве разъяснить городским массам задачи такого важного органа советского государства, как совет рабочих и крестьянских депутатов. Выборной кампании нужно было окончательно парализовать всякие поползновения буржуазии: отстранить кулака, представляя место бедняку. Много входило задач и обязанностей в будущей деятельности органа народного революционного представительства.

Плакаты пеклись лихорадочно. На них выводились типы людей, разделённых сообразно марксистской доктрине на классовые начала. Характер работы выработал специалистов карикатуры. За большой спешкой оглянуться некогда. Дело должно быть выполнено в ударном порядке. Думать о создании ценности искусства некогда. Надо прикладывать только ремесленную ловкость и обязательно вписывать пояснительный лозунг. Через два дня или неделю такой плакат ветром или рукой сорвут с забора, стены и он будет валяться в луже. Но когда десятки, сотни таких плакатов появляются в свеженьком виде, то создают впечатление и достигают результата, как искры, превращённые в пламя. Не все были способны печь такие плакаты. Опыт служения живописцев советской агитации выработал профессионалов халтуристов. Они своего рода как бродячие музыканты или средневековые трубадуры разъезжают с агитационными пунктами, Политпросветами, Чека и другими учреждениями.

– Приезжайте с вашей семьёй в Москву, – писал нарком Красин своему другу инженеру М. К... – У нас вы получите возможность спокойно отдаться достойной вас работе. Не раздумывайте долго. Зачем вам жить и волноваться в Киеве, где столь частые бои и различные перемены власти.

Читая это письмо за дружеские столом, Михаил Кондратьевич, тронутый вниманием Кремля, решил и поехал.

Антанта уже проиграла ставки на Колчака, Деникина, Юденича и Миллера. В течение первых месяцев 1920 года Советское правительство выразило желание установить с Польшей мир. Какие же в дальней-

шем примет формы героическая борьба за власть рабочих и крестьян.

– На культурном фронте молодые силы революционного театра мечтают и работают на началах коллективного творчества. Энтузиазм борьбы за революцию ищет в искусстве выражения общенародного охвата. Одной сцены в замкнутом театре недостаточно, нужно ставить мистерии с участием не только артистов, но и всего населения. Должны быть праздники под открытым небом с одной сценой, представляющей улицы и площади города. Вырожденная фантазия преобразователей на идеалах пролетарской мощи уходит к истокам исторической традиции. Чем был греческий театр? Как играли его артисты? Каковы принципы сцены, техника, декорации. Воспитательное и сценическое значение греческой драмы, трагедии. Эсхил, Софокл, Эврипид. В разговорах, докладах и диспутах ссылки на итальянскую комедию, на театр Мольера, Расина. Марджанов поставил памятного всем Лопе де Вега. Молодой Козинцев проявил первые результаты своего кукольного театра и постановки в масках. В вихре общественного переустройства принципы Станиславского доказывают свою историческую жизненность в развитии театральных законов игры. Станиславскому сопоставляются другие мастера современного театра. Гордон Крег в Англии, Макс Рейнгард в Германии, Мейерхольд, Таиров, Вахтангов в России. Соратники и учителя поколения, берущего в свои руки искусство пролетариата.

Микульчик по профессии столяр. За неимением работы нанимался натурщиком. У него суровый тоскующий взгляд. Разговаривает с доброй ласковой улыбкой. Никто из студентов особенного внимания на него не обращает. Ведь перед ними только обыкновенный натурщик, зарабатывающий на хлеб обнажением тела. Но видно он как-то не стерпел, ему захотелось излить передо мной душу, показать себя, каков он на самом деле. Столяр-натурщик Микульчик открывается мне как поэт. При признании своей причастности к искусству – литературе, – я вижу в его глазах загоревшийся лихорадочный огонек. По окончании

занятий выходим с ним вместе на улицу – и между нами возникает литературный разговор. В перерывах он читает свои стихи. Читает голосом, вкладывающим чувство надежды, радости и горечи бедняка. В его лиризме звучат фразы, призывающие к окончательному свержению человеческого рабства. Он поёт о любви, батраках и о всех существах, поставленных социальной несправедливостью в незащищенных и вечно голодных. Основным же источником его вдохновения, несмотря на чёрное солнце дней, является природа. Она отражается в нём, горячо получая грустное поэтическое выражение. Он пишет не только для себя, стихи были напечатаны в маленькой газете.

Проходит время. Буря восстанавливает власть рабочих и крестьян. Самоучка Микульчик выходит наружу. Он энергичный деятель, пролетарский поэт и непримиримый враг буржуазного искусства. В противоположность буржуазным поэтам, засиживающимся в кафе в подвальной богеме, пьющей турецкий кофе и принимающей наркотики, Микульчик при посредстве товарищей, вышедших из общей с ним среды, основывает клуб пролетарской культуры. Я присутствовал на его первом докладе. О нём извещалось в газете и в специальной афише. Помещение клуба огромное. Вместительная эстрада с президиумом. Много раз улицы Киева испытали бои, но в клубах не наблюдалось еще столь критикующей атаки на буржуазную литературу и ее носителей. Особенно поэт-самоучка ненавидел из современников, писателей Н. и Л. Маккавейского и других, в культурном отношении выше находящихся чем он – столяр и натурщик. Опираясь всецело на классовую основу, враждебным пролетарский чутьем он во всеуслышание объявляет их гнилью, врагами – контрреволюционным оплотом. Свой доклад Микульчик закончить не мог. Взял на себя лично слишком трудную задачу: разбить силы искусства, выросшие при буржуазном строе и поставить во главе советской общественности ядро только что родившегося Пролеткульта. У него не оказалось достаточно эрудиции и главное

отсутствие опыта публично развивать свои мысли. Делая над собой крайние усилия и входя в предельное нервное состояние, Микульчик терял логику соображения. И ввиду этого, доклада не досказал. У слушателей получилось досадное впечатление.

Авторы «Молитвы о России», «Стилоса Александрии» и прочих сочинений своей молодости отвечали недоуменным презрением на появившиеся атаки лиц, подобных Микульчику – оборванцев, поднявшихся со дна с красным знаменем. Что такое для них Октябрьская революция? Коммунизм? Многие из них доказали, когда деникинская волна подкатывала к Москве. Впрочем, оправдать их пожалуй одной фразой: коммунистом нужно родиться.

Цвет литературы, богема из кафе на Николаевской улице продолжала ещё идти в прежнем темпе развития наследственных традиций литературы передового буржуазного общества дореволюционной России. Чуждые идеям Советской власти и потерявшие материальные преимущества, они продолжали мыслить по-старому, не желая верить в окончательное торжество серпа и молота. Вскоре в этой атмосфере постепенно стал создаваться глубокий, психологический рубеж. Стоявшие за революционные искания в искусстве оказались в числе первых, слившихся в идею социальной перемены. К прошлому уже не могло быть возврата. И часть левых в искусстве приняли доктрины Марксизма. От балета Мордкина до студии художницы Экстер перекачивались, перемешиваясь, положительные и отрицательные начала самых культурных художественных сил той эпохи. Выступало национальное лицо Советской Украины.

На ряд месяцев я выпустил Микульчика из виду. Борьба, начатая им, указывала на возможность увидеть подлинные типы героев, созданных революцией. Но поэт-самоучка не дождался полного торжества. Судя по возрасту, ему предстояло видеть взлёты своей личности и других, как он выступивших на уровень высокого подъёма из недр раскоченных целинных масс. Ему предстояло видеть много и многому выучиться, написать книги песен,

выработать свои ораторские способности к докладам. Он со своим гордым пролетарским сознанием чувств, с темпераментом художника мог бы всего достигнуть, если б не было но. В один из ненастных дней, проходя по улице, останавливаюсь перед газетой, расклеенной на стене. О чем пишет «Красная звезда»? О молниеносных атаках конницы Буденного. Затем неожиданно встречаю похоронную статью о Микульчике. Читаю: «скончался от туберкулёза». В напечатанных тут же статьях он пел о проталинах весны.

Миновала середина апреля. Теперь чуть ли не весь состав седьмого артистического батальона влюблен. Ходят, работают парочками. Солнце горячит кровь, возбуждает мысли к любви, к счастью и к вере в светлую будущность. Приближается Первое Мая. В этом году торжество должно превзойти все предыдущие праздники. Праздник трудящихся покажет нам, что значит организация, дисциплина, воля, энергия, героизм! В 1919 году германский империализм на Украине сменил империализм Антанты. В чём же состоит центр тяжести после победы на востоке и юге? Каковы теперь планы Антанты? Куда повернет Первое Мая 1920 года мысли рабочих и направит оружие Красной Армии? Праздник объявит новые политические вопросы и решит ответ воодушевлённых борцов.

Угольные шахты Донбаса заброшены. Домны стоят без руды и топлива. По деревням рыщут и вырезают население грабительские банды Махно, Зеленого, Маруси, Архангела, и войска всевозможных мастей и национальностей топчут страну.

Насколько возможно исчерпать нашу готовность, мы проявляем без остатка. Наше искусство выведет в красоте все достойное внимания, чтобы занять почётное место на празднике. Чутко отзываясь на призыв, мы решаем общее дело в композициях. Наши решения в формах и цветах наполняют этот день связующей гармонией народные чувства и идеалы. На полотнищах мы начертаем сражения победы. Возвеличим те начала, за которые пожертвовали жизнью лучшие люди – отцы, сыны и дочери. Покажем в сюжетах цели мира строитель-

ства, просвещения, материальное благополучие при коммунизме.

Общее руководство по выполнению художественных планов принадлежит М. Л. Бойчуку. Заказ передан в верные руки. Художники, работающие под его ответственностью, должны быть проникнуты не только литературным смыслом праздника Первое Мая, они должны выполнить работу в произведениях ценных, строгих, прекрасных. Халтуры М. Л. не допустит.

– Пусть каждый из вас, свободно следуя какому угодно течению, выявляет себя, но его труд должен быть признан творческим. Осуществить в изобразительных формах Первое Мая могут только таланты. Эта задача только по их уму и плечу.

С зарумянившимся ярче обычного лицом и блестящими голубыми глазами М. Б. дает советы своим ученикам, Седляру и Падалке, а также и другим. Эти ученики уже достойны учителя. Они поставлены на здоровые принципы искусства и в каждой новом произведении выражают мастерскую зрелость. М. Б. держится как наш хороший товарищ и друг. Темп работы развивается спешный. Как-то он заворачивает ко мне: но ни слова. Я смотрю на его лицо – желая узнать впечатление. Вместо слов слышу: он напевает мелодию и с одобрительной улыбкой слегка качает головой. Не желая быть надоедливым, он все же часто заглядывает ко мне узнать, как идёт начатая сложная картина. Я задумал выразить крестьянскую семью в период труда. Взят момент величия простоты и мощности. Сцена выражает в позах родительскую ласку к детям. Это еще не всё – не самое существенное. Интуитивная творческая мелодия не удовлетворена только данными, поверхностными положениями и их результатами. Сознание направляет созерцание в мир чистой механики, геометрии – где привлекают мыслителя и художника законы: вертикали и горизонталь. В данной концепции один из исчерпывающих структур живого реалистического организма живописного тела, массы всей картины.

В помещение, где мы все работали, вошел какой-то товарищ с очень важным видом. Высокого роста, худощавый, очень

нервный. В его фигуре настоящий боевой закал или это просто надуманный задор? Кто он? В фуражке, лицо бледное, длинная русая борода, кожаная куртка, револьвер и в нечищенных сапогах. Партия поручила ему наблюдение за выполнением работ к празднику Первое Мая. Авторитетным порывистым голосом он выражает недовольное раздражение. Требует в наших изображениях большей натуралистичности, живости. Но как вскочить в эту натуралистичность с принципами нашего фрескового искусства, с одной и другой стороны дающего кубистическую смесь полуотвлеченных форм. В том, что высказывает комиссар, чувствуется свежая струя, за которой следуют большие волны, но он не художник, и поэтому не может доказать нам какого натуралистического стиля искусства мы должны достигнуть в революционном празднике. Всё же человек с револьвером за поясом разъясняет по-своему, что такое народные карнавалы в Италии. Он видел их, будучи в эмиграции.

– В карнавалах присутствуют все элементы искусства, выработанного традициями и рождаемого импровизацией. В итальянских праздниках с блеском выражаются комедии, юмор или черты показательной драмы веселящегося народа.

Мы не закончили нашу беседу о том, каким должен быть в наших произведениях день праздника Первого Мая. Партийный товарищ, показавшийся столь властным и нетерпеливым, немедленно куда-то вызвался. А когда мы на следующее утро явились на работу, то вскоре все почувствовали – произошло что-то неладное. Затем выяснилось: все надо бросить, как есть. Почему же так энергично налаженная машина не должна более действовать?

– Первое Мая праздноваться не будет. Учреждения эвакуируются.

Снова?! Возникает в мыслях многозначительный, драматический вопрос. Эвакуационный переполох поднимается, достигая небывалого напряжения и размаха. Откуда же на Киев дует ветер с признаками урагана? Со стороны бужуазно-шляхетской Польши. Пилсудский со своим помощником генералом Рыз-Смиглы, командую-

щим третьей польской армией, внезапно 25 апреля перешел в наступление.

Наш седьмой артистический батальон распыляется. В производственных мастерских заведующий хозяйством и наш депутат Зак спешно раздает пайки. Надо думать – последние.

Если Киев переходит в руки поляков, кто знает последствия стратегического развития истории. Не позавидуешь горожанам, которым придется отведать сладость польского владычества. Будут преследования и массовые расстрелы. Но с другой стороны, как, куда и с кем решиться бежать. Наши силы отходят к Днепру, переправляются на левый берег. Надо спешить. Во мне возникает счастливое чувство – бежать. Из всей производственной мастерской только один товарищ решается на бегство. Это Зёма – мой друг. Время позволяет провести еще одну ночь. Мои приятельницы по мастерской пытаются остановить меня, оградить от возможных жестоких испытаний в пути.

– Разве нам не было мило и хорошо, – говорит мне Соня и Надя, остановитесь. У вас здесь ваши подруги.

В ответ на увещевания во мне вспыхивает радость и большая нежность к ним. Хочется остаться только для того, чтобы доказать свою признательность за их привязанность и любовь. Я горжусь тем, что заслужил их горячее внимание к себе. Но все-же нам нужно расстаться. Подруги мои, я завтра должен оставить Киев. Меня влечёт Москва. Надеюсь, туда же приедете и вы когда-нибудь. Прощайте или до свидания!

– Дорогая Таня, – писал я сестре, проснувшись на рассвете. – Когда ты вернешься к себе в квартиру, мою комнату найдешь в некотором беспорядке. Письмо оставляю на видном месте, чтобы ты могла сразу найти, прочесть о моем поступке и успокоиться, жить мне было у тебя хорошо, тепло и сытно. Между прочим, никто кроме тебя не умеет сварить вкусный суп и приготовить жаркое. Но ты сама знаешь, такое положение не могло длиться долгие годы. Ты хотела меня женить и этим устроить подобно другим мою семейную жизнь рядом

с тобой. В ответ на твою заботу я упорствовал. Почему? – спросишь ты. Разве твой брат не создан как другие и ему не свойственно любить и затем воспитывать своих детей? Если я не соглашался, то потому, что между нами есть разница в возрасте и затем мы сложились в неодинаковой обстановке. Я хочу еще учиться, многое видеть и бороться, как художник, революционер. В этом моя цель и поэтому незачем спешить жениться.

Я уезжаю, не желая быть в Киеве при поляках. Думаю, мое отсутствие принесёт тебе в этом смысле удовлетворение. Разве тебе было бы приятно видеть меня мобилизованным ими или в худшем случае подвергнутым аресту. Бывает же, ты знаешь, ещё хуже. Помнишь деникинскую контрразведку? Затем долго находиться вне воздействия советской власти мне скучно, очень тоскливо. Решаюсь на бегство, я знаю – буду со своими. Если не смогу отдаться художественной работе, возьмусь за оружие. Верю в нашу победу и без колебания иду смело вперёд.

Знаю, милая Таня, тебе вначале будет очень тяжело одинокой. Смерть Мани причинила тебе горькое материнское страдание. Я тоже испытываю боль в потере моей первой единственной маленькой племянницы. Но что ж, чем глубже печаль, будем выражать не меньшую твёрдость, стойкость – открывая в себе спасительную жизнерадостность. Наш лучший, прекрасный друг – время. А пока, дорогая сестра, на столе найдешь мешок с мукой, крупой и солью. Вместо сала нам выдали в этом пайке по фунту колбасы. Есть кусок мыла и даже лук. Беру с собой только мою долю сахара и кусок хлеба, чтобы ты не думала – я пропадаю где-то от голода.

Целую тебя крепко, твой брат /Клима/.

Спеша оглядел еще раз мою комнату. На столе рисунки, книги. Не взять с собой картины, холсты. Надо уходить налегке. Встретились с Зёмой. Его мать остаётся одна. Когда он высказал ей желание покинуть Киев, она, не думая о себе, стойко ответила:

– Уходи туда, где тебе будет лучше.

Мы отправились с ним в центр города.

Куда же нам идти и к кому пристать? На улице встретили Марголина. Он занимал ответственный правительственный пост заведующего деятельностью киевских театров и тоже не знал, как ему быть.

Бежать? Опасно выброситься из родного города, но так же, не менее страшно, оставаясь, подвергнуться польской реакции.

Раздумывая над положением, видим, исчезли почти последние признаки людей, связанных с советской властью. Сейчас могут показаться поляки. Они, может быть, заняли вокзал. При нас корзинки и мешки. Разве не видно, что мы советские беглецы? В моих друзьях я почувствовал возникшую нерешительность, момент колебания. Зёма оглядывается назад. Есть еще время вернуться домой. Не так просто и легко расстаться с Киевом. Мне становится жаль друзей и себя. Москва манила к себе, встала перед глазами, жаль расстаться с мечтой о Москве.

Я потянул за рукав Зёму, пошли же! – Говорю я решительно. Инстинктивно благодарным чутьем друзья охватывают мою мысль. И теперь уже бесповоротно втроём спускаемся к набережной Днепра. На берегу великой украинской реки мы должны найти ключ бегства.

В порту пароход «Интернационал». Вход разрешается по особым пропускам. На судне эвакуируются видные коммунисты. Судно уже глубоко сидит в воде.

– Да, вдруг обрадовался Марголин. Ему с палубы улыбается лицо хорошего приятеля. И с его помощью Марголину посадка как будто обеспечена. А нам как быть? Как нам с Зёмой устроиться? У Марголина идут в ход организационные способности. С видом, будто он один из распорядителей, Марголин приказывает нам взяться за переноску мешков, набитых документами, взятыми из архива. Улыбнулось и нам счастье, давшее возможность взойти на пароход и в суматохе смешаться с другими пассажирами. Спустилась ночь, а пароход чего-то выжидал. Показалось солнечное утро, обнажая нам холмистый правый берег. На его вершине за одну ночь, но как изменился Киев. Он уже не наш. Мы берем винтовки и сходим на соседний пароход

узнать в Чека, нельзя ли достать консервов или хлеба. Было бы очень хорошо достать на дорогу хоть на день продовольствия. На пароходе нам сказали: мы только богаты дровами для машины да архивными документами в мешках.

Чека оказалось недоступным, они приводили в боевую готовность орудия. Какой чёрт тут консервы и хлеб, говорил весь их вид. Мы вернулись с ненасытным взором, держа в непривычных руках заряженные винтовки. В порту и на улицах было пусто – население не проснулось.

Капитанский мостик забаррикадировали со всех сторон бревнами. Подсчитали число револьверов, имеющих у товарищей. Разве неизвестно, сколько пароходов было потоплено обстрелами с берега? Мы должны быть ко всему готовы.

20-го апреля утром «Интернационал» снялся с якоря. Шум винтовых лопастей и кипящее бурление воды вызвало удар в сердце и мыслях. Перед глазами предстало все пережитое и в данный момент так обрвано для чего? А ведь мне самому захотелось этого, и по моей воле и вине я покинул прекрасный Киев. Прощальный парадный смотр его высоких берегов. Укатывая вниз по реке, кажется и спрашивается: он ли это или только призрак? Взоры цепляются за места близкие, покрытые многими воспоминаниями. И так это все уже прошло – проходит. Не без грустной тревоги, обжигающей от набегавшей радостной волны, возникает вопрос: что же впереди – в Будущем? Известно только то, чего хочется.

С сурово спокойным лицом капитан направляет руль. Мы проехали под железнодорожным мостом. Из пароходной трубы дым относит назад – не есть ли это единственная связь с прошлым, где Киев в пространстве скрылся от нас. Но не скрылась Украина, Днепр, расширяя свои воды, заставляет нас забыть, что мы спасаемся, возможно с берегов в нас посыпится ещё пулемётный град из гнезда банды Щуся, Никифоровой или Махно.

Незабываемый день, представивший величие и богатство природы – пронесший нас мимо затопленных пароходов, сожженных и пустынных деревень, вызвал

новый особый приступ голода, как будто для того, чтобы окончательно сбить красотой и могуществом в героизме и агонии борьбы стихий. Если б найти хоть маленький кусочек хлеба! Голодным взглядом каждый осматривает сидящего или блуждающего, встреченного на палубе, в каюте. Но нет, что было, все съедено утром, в полдень. Тот же жадный взгляд рыщет по равнине полей и, открыв белеющие хаты хуторов, со сладостью переносится туда. Там можно бы, наверное, достать хлеб, молоко, яйца. Затем такой странный всеобщий приступ голода стихает. Странно устроен наш организм. Так же как остро может потребовать и вдруг ответит противоречием себе – забудет, осядет, успокоится. Данное состояние называется психозом голода.

Наибольшее удовлетворение нам причинила машина парохода. Она не испытывала недостатка в дровах. Следовательно, мы неслись успешно к цели. Всю ночь капитан, смотря над верхней линией баррикад, вел судно по изученному руслу.

Спокойствие же дня, сменившееся глубокой тишиной ночи, порой вызывало злое предчувствие. Ведь в сущности все вокруг клокочет, вся страна потрясена. Бедный наш маленький пароходик, куда он спешно плывёт? Считается время с нами или нет, но мы знаем на утро сегодня, день Первого Мая! Праздник трудящихся всего мира!

Вспомнилась – кажущаяся теперь далеко, картина нашего приготовления к Первому Мая. Киев?! Так вот он здесь в изменившейся обстановке устраивает свой праздник. На палубе на виду всего Днепра, всей Украины и необъятного неба со сказочными облаками собрался митинг.

– Товарищи, – произносит оратор, – нам пришлось отступить от Киева. Но мы ушли оттуда, только уступая натиску во много раз сильнее врага, конечно дело не ограничить только нами. Мы представляем маленькую горсть революционной мощи всей страны, расправившейся с армиями Колчака и Деникина. Если б мы даже погибли, сдавая полякам Киев, воля наших вождей и мощь Красной Армии не ослабела бы для одержания полной победы над

милитаризмом Антанты. Проведём же день Первого Мая все в сознании выполнения революционного долга в борьбе над новыми силами контрреволюции! Не пощадим жизни для торжества Советского государства и мирового коммунизма. Да здравствует великий праздник всех трудящихся! Да здравствует вождь пролетариата товарищ Ленин! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует освобожденная советская Украина!

На палубе раздалось всеобщее стройное пение Интернационала: «Вставай проклятьем заклеймённый»... Пароход подъехал к Каневу, где скоро на высоком берегу правобережья показался крест могилы Тараса Шевченко – национального поэта и живописца. Бывший крепостной слуга Тарас Шевченко, автор Кобзаря, стал символом героя, борца за политические права и независимость своего народа. Мы случайно прибыли как раз к месту, где невидимо борются стихии страстей, уже причинивших Украине столько бед. Всякий, прибывший к могиле раба-поэта, арестанта, обнажая голову, даёт клятву: словом и оружием продолжать борьбу в войне за дело патриота, горячо любившего землю-мать Украину.

Если б в данный час, когда наш пароход-беглец подъезжал к могиле и по случайному совпадению здесь очутились бы враждебные войска, то что бы произошло? Допустила ли б великая память Шевченко кровопролитие на этом величественном месте одинокого креста, указывающего на четыре стороны света?

В течение всего водного пути постоянно чувствовалось: мы можем в любой момент оказаться беззащитными на виду хотя бы данной части высокого Каневского берега, откуда всей стране видна могила батька Шевченко. Но для нас берега Днепра оказались без западни. Машина парохода замедлила ход. Под вольный ветер обнажились головы и, повернув лица в сторону могилы поэта, мы торжественно запели: «Заповидь». Капитан снова приказал полный ход вперёд. Не отрывая взгляда от исторического места, коммунистический Интернационал закончил церемонию

отдания чести насыпи вечного успокоения и бессмертия.

Попутное течение неизменно увеличивает скорость судна. С рассвета 30-го апреля, уезжая из Киева на восток, мы не делали остановок. Наконец открывается вид на пристань у Черкасс. Триста человек выбрасывается на поиски продуктов. Райские дома открывают нам двери и на советские деньги охотно отпускают хлеб, масло, сыр и овощи. Часто ли выпадают в жизни столь щедрые дни, в момент сглаживающие воспоминание о тяжелом прошлом. Сейчас мы, как будто открыли оазис, но вся Украина разве превратилась теперь в пустыню? Поедем дальше – увидим.

На палубе и во всех углах парохода ненасытные люди с возбужденно-радостными лицами продолжают лакомиться красной редиской, кушать сметану с коржиками, пить молоко из кружек, бутылок или чайников. О, щедрое уцелевшее местечко, от души и весёлых глаз всех беженцев, спасибо тебе!

К вечеру – Кременчуг. Не жалко ли сознаться, бегство, превратившееся в увеселительное путешествие по Днепру, кончено. Оставшуюся часть людей пароход довезет до Екатеринослава. Нам же благоразумнее сойти в Кременчуге и найти поезд на Харьков. Начинается вторая часть истории нашего бегства.

Среди знакомых оказался Кратко – неудачный автор памятника Шевченко и провалившийся депутат от производственных мастерских. Он нам не пара. Что за город Кременчуг? Скуп, конечно, не так легко пополнить наши запасы. Зёма вспоминает обильные Черкасы, где в реке вместо воды текла сметана. А на деревьях росли коржики с маком, мёдом и вкусные вареники.

– Если б мы остались там на несколько месяцев, можно бы написать новые полотна и тогда уже поехать в Москву.

Нечего прибавить – мечта прекрасная. Художник более всего озабочен тоской о произведениях. К тому же от Черкасс – нашей первой остановки, осталось благодарное воспоминание. Где же еще можно найти подобное обилие? – лучше места не сыскать. Наглядный пример не заставляет

себя ждать. Начальник станции Кременчуг заявляет:

– Право не знаю, как вас направить в Харьков? Сообщение нерегулярное. Паровозов и вагонов нет.

– Как же быть, товарищ начальник, не унимаются представители нашей группы, мы из Киева.

И бедному начальнику невольно приходится смотреть на всякие предъявленные ему документы с такими внушительными печатями, хоть становись перед ними на дыбы.

– Обождите, обождите товарищи, поляки ещё не угрожают захватить Кременчуг. Хотите, через несколько часов я смогу устроить вас в товарный вагон. Вы доедите до станции и там сделаете пересадку на Полтаву, а потом в Харьков.

Мы очень довольны. Едем. Мысли как динамо стараются свежие впечатления тут же перевести в точное значение. Перед нами картина расшатанности, изношенности, разорения, упадка. На чём держатся живые нервы боеспособности большевизма. В каком состоянии электростанции, топливная промышленность, черная металлургия, машиностроение и металлообработка. Почти всё встало – развалилось. Рабочие ушли в Красную Армию.

Уже высоко взошло майское солнце над Полтавой. Должно быть, оно так же светило Петру I в день его Полтавской победы над Карлом XII. Надо отдать дань справедливому восхищению побежденным здесь шведам – сумевшим бесстрашно дойти сюда и попытаться с Мазепой скроить карту тогдашней Европы.

Поэтическая Полтава! Мы приехали в самое сердце Украины. С вокзала идем по дороге, уходящей вверх в город, который по моему восхищенному сознанию должен бы после Киева считаться второй столицей Украины. Усталая и немного сонная голова, что только может на ходу, то и воспринимает себе на память от живописного характера зданий и улиц. Чтобы насладиться и потом долго ещё помнить Полтаву, много ли для этого нужно ходить и смотреть? Нет. Полтава это город, как нечто составляющее один короткий, чудесный глоточек.

Впрочем, так говорится только для утешения, мало ли здесь хорошего. Мы интересуемся состоянием рынка. К нашему счастью знакомимся с ним как нужно – в раннее утро. Да, вот чем ещё замечательна Полтава – своими караваями пшеничного хлеба, такими же большими, как мельничное жерново. Красивая полтавянка со сквозившим в ресницах призывом предлагает нам:

– Милые мои, вам хлеба, о, сколько хотите берите и кладите себе на душу или где ещё место найдётся у вас.

Мы отлично наелись и набрали всего в дальнейшую дорогу. Не без чувства сожаления оставляли мы Полтаву.

В Харькове выковывалось оружие – кипел свинец против дерзкой панской Польши. Мы приехали, и уже захвачены железным центром большевистской энергии. Но мозг Украины – столица Харьков, не без болезни переживал новости о правобережной катастрофе. Очевидно, Польшу двигали её исторические мечты о границе 1772-го года – присоединения Украины, Белоруссии и значительных земель в Прибалтике.

Наблюдая наши красноармейские части, строгую дисциплину, организацию порядка и распределение, проводимое коммандатурами, мы естественно проникли в область деятельности Харькова, более понятную нам и интересующую художника. В агитационных пунктах, в мастерских видим, преобладает сюжет: шляхтичи. Громили мы в плакатах гетмана Скоропадского, Петлюру. О! Как и сколько Колчака, Деникина и прочие контрреволюционные гидры. Теперь товарищи художники с революционным закалом разделяют Пилсудского.

– Хотите творить, художники – беженцы из Киева? Немедленно становитесь в ряды по фронту искусства. Красноармейцу ружьё, а вам в руки кисть. Стратегический план Пилсудского по овладению советской Украиной должен быть бит всеми средствами. Ставка на быструю военную победу и разгром 12-й и 14-й красных армий будет опрокинута, – заявил нам один боевой командир.

Я усвоил от Зёмы ревнивое уважение и сохранение при себе работ. Возмущаясь, он говорил:

– Вы не цените свои произведения, легко уступаете, дарите или просто разбрасываете без причины и нужды. Отдать своё художественное произведение – ответственный поступок перед самим собой.

Никогда я ещё не слышал, чтобы кто-нибудь так произносил слова: «свое художественное произведение». Он говорил это таким важным тоном, что интонация его голоса производила впечатление. В мыслях немедленно и заразительно возникло: действительно, Зёма прав. Многие ли могут создать нечто такое, как он и я. Недостаточно с пылом творческой страсти любить писать. Нужно обязательно присовокупить к результатам своего искусства большую бережливость. Если б не пример и совет моего друга, разве покидая Киев, я взял бы с собой тащить хотя бы тощую папку с рисунками и эскизами. Зёма говорил:

– Возьмите непременно, пригодится кому-нибудь показать. Если вас никто не знает, можно ли, например, назваться купцом, не имея при себе товара?

Многое в природе происходит от случайного. Наш потребитель незамедлительно встретился, проходя по улице.

– Вы оба бежали из Киева и только что прибыли в Харьков? – глядя вопросительно на нас, повторил он сказанное нами о себе. – Да, у нас есть при себе доказательства: документы и вот, не желаете ли взглянуть на наши работы. Мы выложили из папок рисунки, акварели, гуаши.

– Очень хорошо, одобрительно отозвался товарищ невысокого роста. Принесите ваши работы на вокзал и спросите вагон Луначарского.

Почувяв доброе предзнаменование, вне себя от внезапно налетевшей радости, мы простились до вечера.

– Давида Штеренберга, – начинает первым говорить мой друг, – я знаю давно и хорошо. Бывало, в Киеве он приходил к нам в дом попросту. Если б вы могли представить себе, как он тогда выглядел. Маленький, бедный и такой худой неизвестный художник еврейчик. – Зёма входит

в юмористический тон, – моя мама, – продолжает он, – бывало, жалея, подшучивала над ним, угощая его чаем с вареньем.

– А знаете ли вы, – прерывая Зёму, говорю я, – кто он теперь? – Да, еще бы! Комиссар искусства! Близкий сотрудник и друг Луначарского.

Когда Зёма поделился со мной всеми сведениями о Штеренберге, то от себя кое-что пополнил и я. Теперь это кажется, как далекое прошлое. От имени советской власти вскоре после октябрьского переворота, Штеренберг открыл первую конференцию художников. Я присутствовал как делегат от группы учащихся. Штеренберга на конференции никто не знал. Данным обстоятельством воспользовались художники академисты реакционеры.

– Какое может быть доверие к собравшимся на конференции, – выкрикивали они, – если во главе ее поставлен человек без имени и авторитета.

Но по моему впечатлению, он держался с достаточным достоинством и гибкостью. А впоследствии вполне доказал свой ум. Вторично год назад, я был представлен ему профессором Праховым во время его приезда в Киев. Вопрос шел о деятельности профессиональных союзов, и затем приехавший комиссар знакомил нас с успехами административной деятельности отдела изобразительных искусств на территории всей России. Доклад Штеренберга представлял беседу. Скучновато было слушать человека, с трудом выкладывавшего слова.

– Я не оратор, – счел нужным заявить нам со скромной, не терявшей достоинства улыбкой, Штеренберг. Не имея ничего более прибавить по поводу моего знакомства с Давидом Штеренбергом, я весело задал вопрос: Зёма, а нелегко быть комиссаром?!

– Как, – переспросил он со смехом, – комиссаром шишкой? Или просто комиссаром?!

Действительно, в этом немалая разница человеческого значения.

Зелёный вагон-салон народного комиссара по просвещению стоял в стороне, недалеко от центрального здания вокзала. Придя вторично, мы тоже не застали ни

Луначарского, ни Штеренберга. Время горячее – опасность большая. Луначарский прибыл на Украину поднять дух народных масс. Вчера на вокзальной площади он выступил на митинге, собравшем почти исключительно красноармейцев. О чем говорил красноречивый энтузиаст, певец, юморист и очарователь трибуны? О польском наступлении на советскую Украину, дававшую и до сих пор дающую нам львиную долю продукции.

– Империалисты хотят захватить страну 30-ти миллионного населения. Захватить в свои лапы такие города, как Киев, Харьков, Одесса и другие форпосты социалистически-коммунистического хозяйства. Телеграфные сводки сообщают о победоносном продвижении 1-й Конной Армии с Северного Кавказа. С района Майкопа после разгрома Деникина, Конная Армия Буденного по пути на польский фронт очищает Украину от гнезд бандитских главарей.

Подавая нам бумажку, секретарь не может сообщить, в какое время можно увидеть лично товарища Луначарского.

– Работы ваши хвалил. Не следует больше беспокоить его, к тому же сейчас он неуловим.

Любезно поблагодарив скромного секретаря и, принимая обратно папки с нашими работами, мы тут же мигом читаем бумажку:

Р.С.Ф.С.Р
МОСКВА-КРЕМЛЬ
КАБИНЕТ
МАЯ 1920 года.
КОМАНДИРОВКА

Молодые советские художники: Редько и Никритин, бежавшие из Киева при наступлении поляков, командированы мной в Москву для выполнения некоторых работ и продления художественного образования.

Просьба все советские учреждения и иные власти оказывать им всевозможное содействие для выполнения возложенного поручения. Председатель Политуправления Р.С.Ф.С.Р. на Украине А. Луначарский.

Вот как просто открылся нам «московский ларчик». Выйдя из салон-вагона, мы крепко обнялись. Читаем ещё. Да, все

то же написано как огненными буквами. Черным по белому говорится ясно: нам открыт путь в Москву. Во всей этой истории простой или сложной нам помог закон действующих обстоятельств и как следствие – мы едем в Москву.

Разбираясь в текущих событиях вообще, мы поедем в управляющий центр революции – против течения. Во всех смыслах это верно. Вся воля Москвы устремлена сейчас на Украину.

Попробуйте незаметно проехать хотя бы сотню километров мимо станционных комендатур. Затем всё сосредоточено в Чека и получить разрешение на проезд в Москву от этого учреждения очень трудно – невозможно.

Железные дороги! Как они не прогнили еще дотла и не расползлись целиком. Что не перенесли за последние годы в зимние морозы, стужу и жару. Большие паровозы, обливные и разбитые вагоны. А всё, что осталось более или менее здорового, служит артерией для передачи энергии основанной – крайней необходимости. Только для Красной Армии и самых неотложных дел гражданских учреждений служит ещё железная дорога. Частичного проезда в Россию нет. «Товарищ, мы едем далёко» – вспоминаются мне слова из старинной песни.

Давид Штеренберг, помимо полученной нами командировки, выдал нам бумажку за своей подписью. Он предлагает закупочной комиссии государственного музейного фонда приобрести по их выбору наши картины. В другом же документе, всемогущий комиссар изобразительных искусств идет дальше, выполняя взятое на себя обязательство до конца. Он предлагает через соответствующий орган зачислить нас в Московские Государственные Художественные Мастерские. Формальная сущность инициативы Штеренберга в отношении нашей будущей закончена.

Мы полны лучших надежд. Нашему искусству впервые оказана честь приобретения в музей. У нас будут деньги и затем мастерская. Чтобы нас сохранить от воинской мобилизации, как необходимых работников в области искусства, мы зачисля-

емя в число студентов – вступая на учет военного отдела Наркомпроса.

Командировка за магической подписью Луначарского открывает нам двери с Украины в Россию. Находятся друзья, устраивающие разрешение Чека на проезд и литеру красноармейского образца для железной дороги. В одном из пунктов для беженцев и затем из Управления Харьковского коменданта – выдается хлеб, сушёная рыба и сушеные овощи. Харьков не Черкассы и даже не Полтава. Здесь раскаленная большевистско-военная атмосфера. Из Харькова видна граница опустошенной России – смотрящей сюда на Полтаву и Донбас по-прежнему со значением: дай нам хлеба, сала и угля.

В Харькове встречается группа людей под громким названием Еврейская Культурная Лига. Писатели и артисты. Среди них хорошо знакомые. Они тоже киевские беженцы и направляются куда же еще, как не в Москву. Мы примыкаем к гордой организации, выполняющей миссию современной культуры искусства в еврейском обществе. Уполномоченный общества и его помощник немало времени крутят и ломают головы железнодорожному начальству на право получения отдельного вагона и незамедлительную отправку. В предвидении затруднений – благодаря знакомству с властями Харькова, они снабжены мандатом, свидетельствующим, что группа является делегатами и спешно должна следовать в Москву на съезд. Остальное зависит уже от настойчивости фантазии уполномоченного, помощника и, если понадобится, всех делегатов.

В дороге требуется не дремать, и если б добродетельные смирные люди знали, – быть иногда поневоле в роли бандита: дай мне то, что нужно. А нужен нам дозарезу вагон, дальше в дороге увидим, что ещё?

Все устроено, собрано и уложено в наш вагон. Осталось несколько часов до отхода поезда. Только теперь мы с Зёмой почувствовали: спокойствие. Как всё хорошо на свете. Мы обошли город в виде прощальной прогулки. Не очень интересно было бы жить здесь и работать. Большой город, но архитектурный характер неопределённый.

Неожиданно взлетит в одной части, захватит впечатление и сразу оборвёт совсем другими. Количественно и качественно малыми размерами, пропорциями Харьков молодой индустриальный город без определённого стиля.

Вступив на вокзальную площадь, где всегда толпятся массы красноармейцев, Зёма говорит:

– А ведь заметте, со времени отъезда из Киева мы только сегодня заговорили об искусстве.

Да, эта тема просто сама собой пришла. Говорить о живописи, это делиться ощущением природы, действующей на нас в этот вечер созерцательной стороной. Вне механического сознания и воли человека, физические свойства жизни возбуждают чувственный вкус. Мы тотчас переносимся в нашу живопись. Нам хочется до опьянения, до боли страдания вынести в ней тяжесть процессов рождения произведения искусства. Чтобы ощутить в себе и отдать язык живописи, нужно только данное состояние. Находиться в самой гуще событий и чувствовать себя вне их. Перед нашими глазами и слухом человеческий поток не должен ли проходить в одинаковом слиянии и созвучии растущей травы или падении струи водопада. Мы сличаем наши переживания с живописными достижениями Сезана. В искусстве этого мастера отражается еще современная прогрессивная эпоха. Все наши культурные силы, революционизируемые идеалами коммунизма, с восторженной любовью впитывают ураганную мощь и тонкую грацию латинской крови в картинах Сезана. Без традиций мастерства, унаследованного всеми импрессионистами, будь-то Тинторетто, Манэ или всё тот же Сезан, Ренуар и Манэ, мы не могли бы снова и снова пытаться вместе с Пикассо, Браком и другими кубистами, свести сокровища искусства истории только к отвлечённым формулам эстетической геометрии.

Через Штеренберга попадаем в самое передовое общество московских художников, а также и в другие артистические круги. Продолжаем мечтать далее. У каждого из нас будет отдельная мастерская. Владея

мастерской, как-будто можно считать, что наши будущие произведения наполовину выполнены. Потому что мастерская, как обстановка, – идеальнейшие условия для живописца, позволяющие писать с такой легкостью и быстротой, как ни при каких других обстоятельствах. Вместе с Земой и каждый в отдельности мы по-своему целиком погружены только в одно искусство. В этой области мы проделали все, что только могло дать нам академическое образование вплоть до зазорных, или героических опытов, исканий беспредметного искусства. Говоря точнее, мы сейчас находимся чувствами или рассудком в сфере, подвергающей анализу ценности прошлого, пытающегося благодаря этому создать новый пластический стиль. Если плеяда кубистов и представителей других течений, проникнутых, как и они, революционными способами открыть в искусстве наш век Советской Социалистической Республики, то и мы крепко с ними.

Некоторое время идем молча, каждый погружен в себя. Занимает вопрос разложения формы предметной на беспредметную. Сам процесс увлекателен. Но как результат, орнамент вызванный воображением – фантазией. Конечно, искусство. Также, чтобы доказать истину, нужно её разобрать как колесо по спицам. И в конце концов остается и подтвердится – ось, т. е. сама жизнь.

Будущая работа в Москве – это нечто уже сейчас реальное. Связующая способность мысли увлекает назад к опыту и вперед, где все кажется лучше, более блестяще, грандиознее. Что значит теория и непосредственные наблюдения? Отвлечённая живопись и социальная психология рабочих и крестьян? Революция, как подъем сознания на высший уровень материальной культуры. И контрреволюция – душительница творческой жизнедеятельной инициативы народных масс. В данные, сами собой возникающие вопросы, входит понятие о сущности и универсальной мощности искусства, вдохновленного только одним бесподобным разливом, героическим достоинством и очарованием революции. Так оно и бу-

дет – решаю я в безмолвной тишине на интуицию души.

Первомайский праздник в Киеве не состоялся, но он успел все же дать мне плоды – идею. Создать картину по майскому неоконченному плакату. Написать людей земли – титанов, поставленных волей революции в центр сознания, где труд более не насилие, а счастье. Горячая радость потекла в сердце от охватившего сознания. В Москве я напишу такую картину. Новую семью столь же великую, как наша революция. В смысле направления, стиля произведение должно быть создано на начале синтеза.

Не все ли из нас упоены идиллией? Едем в Москву, где спокойствие и порядок. Там мы будем в среде, из которой распространяется по стране и всему миру воля, обращающая на себя взоры со всех концов земли. Многие из наших спутников не видели, как выглядит город с кремлём, где управляет Ленин.

Наша Украина в гуще новых сражений и пламени осталась позади. Едем по-современному в товарном вагоне с поломанными остатками нар. Но тесноты нет и чувствуем себя не в обиде. Только бы наши мешки с продовольствием и без того небольшие не тощали бы так быстро. И верно ли, что нигде в пути не сможем ничего достать? Разве только воды или кипятку на больших станциях. Стыдно сознаться, все мы находимся в вагоне не дармоеды, а едем кормиться в Россию. Отнимать у голодающих остатки. Хлеб как глина, выданный нам с Зёмой в Харькове, уже кончился. Почему же так быстро? За неимением дополнительной пищи – не считая воблы и травы, мы то и дело напихиваем рот до ощущения изжоги. Желудок переваривал, будто огненную лаву. И то не жаловались, было бы вдоволь черного хлеба. Проехали сутки, и уже надо перетряхивать мешок в погоне за крохами. Не лучше положение и у других. Взять в пример хотя бы оказавшегося среди нас гражданина в очках, удивительно странный человек – коммунист, он не развлекается мешком. Поел в Харькове и думает повторить только в

Москве. Поговорить с ним очень занятно. Он владеет многими языками – даже древнееврейским, хотя сам, по его уверению, не израелит. Если нужно разрешить научную или иную справку, на всё ответит как энциклопедия. Существенная черта его характера: простой, добрый, очень услужливый и привязывается к совсем молодым мужчинам. Это тип странствующего рыцаря XX-го века или вечного жида, превратившегося в борца за коммунизм. Работал на различных постах, «но только там, где руки не в крови».

– Например, в Чека, поясняет он с улыбкой, меня служить никогда не заставят. Не могу и не хочу.

– А знаете, партия не прощает неповиновения? – задаётся ему вопрос. – Ну что ж, – говорит он в ответ, – пусть накажут или отнимут честь называться коммунистом.

– Откуда же вы? – предлагается еще один из любопытных вопросов.

– Последние годы я проживал в Амстердаме.

А когда по-дружески амстердамцу жертвуется кусочек хлеба, он отказывается. Стойкий голландец – разговаривающий по-русски, как-будто родился в самой матушке Москве.

На вторые сутки к вечеру в часы нудного стояния коллективно повторяем слова: едем, едем, не доедем. И едем, не доедем переводится в мелодию. Еще дольше вынуждены стоять на пустынной станции, тогда еще громче и выше поднимается мелодия: едем, не доедем. Доходит ли наш хоровой звук до уха начальника станции или нет, положение от этого измениться не может.

Нас отцепили и оставили на одинокую ветку. Мы как делегаты почти не в счёт. Паровоз, довезший нас до места между Курском и Орлом в срочном порядке угнан назад.

Неисчерпаемая людским материалом Россия бросает эшелоны войск на польский фронт. Для нас назад, а для войск вперёд. Следуют совсем молодые красноармейские части, не нюхавшие запах пороха. Начальник станции выполняет первоочередной приказ, а мы тоже должны

настаивать на гражданскую спешность. Боевой приказ выполняется и в тылу.

Уполномоченному или коменданту нашего вагона излишне давать советы и осаждать просьбами действовать, несмотря на препятствия, чтобы быть на очереди первейшего удовлетворения. Он сам прекрасно понимает положение.

– С нашим уполномоченным поезжай хоть на край света. – Репутация: провезёт через ад. От Еврейской Лиги он побывал во всех странах и особенно хорошо изъездил такую страну, как Америка. Умеет быстро убедить, настоять, обвести, найти и избрать всевозможные выходы. Вероятно, помогает громадный опыт путешественника, да к тому же у него энергия и страсть быть в движении. Упорная бесстрашием его логика смущения не испытывает. Благодаря ему – русскому американцу, мы имеем вагон и двигаемся от станции к разъезду, минуя малые и большие города.

Революция состоит из элементов сказки. Но только ли для поэта? Нет, для всякого прошедшего сквозь её очистительный огонь.

Наше бегство из Киева до Харькова и затем следование в Москву – представляет одиссею. Об этой одном этапе можно бы написать книгу: о водном и сухопутном пути по великой стране, переживающей одиссею. Память, кажущаяся бессильной, готова восстановить во всем объёме и точности богатство впечатлений, открыть сокровища прошлого, если с былой любовью изъявить желание и унестись в дни героической борьбы. Я хочу вспомнить замечательных людей, картины природы и событий. Хочется в великом проследить мое маленькое место. От души сознаться самому себе, как трудно описать правду. Она до того большая, что исчерпать, объехать нет средств. Для этого сила должна обладать скоростью света. Но и скорость света равна ли абсолютности правды? Чем же измерить ясную мечту и беспощадную бурю революции, трагедию и рождение человека для новой жизни в социализме и коммунизме?

Пока на земле существует солнце, питается одно гордое сознание о творчестве, искусстве – о миссии личности художника.

В ней может быть открыта идеальная мера для воссоздания эпических лет борьбы пролетариата и крестьян под знаменем коммунизма. Совершенствуя свою личность в коллективе, возвышается мастерство художника. Только ему одному дано сохранить от забвения материальные излучения подвигов человека во всей полноте. Превратить действия ушедшей жизни в формы искусства – в бессмертие.

В майских днях наш красный, товарный вагон прибыл к конечной цели. Воображение захвачено загадочным будущим. Вижу до неузнаваемости пережившую Россию – Москву. С тоской и любовью внимаю к обеим столицам, дыша Киевом – Украиной, хочу слиться с ними воедино. Где начало и где конец?!

14 июня 1935 года.
Париж.

РЕЗЮМЕ / SUMMARY

В опубликованном разделе из автобиографической повести К. Редько «Зіниці сонця» автор відтворює тривожну атмосферу Києва 1918–1919 років. Найціннішою у спогадах є жива розповідь про події, пов'язані з тогочасною мистецькою ситуацією. Зокрема, К. Редько був очевидцем і безпосереднім учасником широкомасштабних акцій, що мали яскраво виражений авангардний характер. Він був особисто знайомий з більшістю провідних українських художників-авангардистів. Значний інтерес становлять уміщені тут психологічні портрети учасників подій, опис життєвих ситуацій, які чіткіше окреслюють образи класиків українського авангарду.

Ключові слова: авангард, мистецтво, формалізм, художник, електроорганізм, футурізм, конструктивізм.

The anxious atmosphere of Kyiv's life at the period of 1918–1919th is reflected in the published chapter of the autobiographical story by K. Redko. The most exiting moment of the memoirs is a vive narration dealing with events linked with the art situation of the time. Particularly K. Redko became a member and an eye-witness of avantguard art mass actions. He was familiar with the most noted artists of avantguard character of his time. That's why the author's descriptions of the psychology portraits, some events and life situations are of great interest for understanding of image of a classic avantguard representatives.

These memoirs are valuable and necessary for researchers of Ukrainian avantguard arts and for any reader interested in art's history as well.

Keywords: avantguard, arts, formalism, artist, futurism, constructivism, electroorganism.

В опубликованном разделе из автобиографической повести К. Редько «Зрачки сонця» автор воссоздает тревожную атмосферу Киева 1918–1919 годов. Самым ценным в этих воспоминаниях является живой рассказ о событиях, связанных с художественным процессом того времени. Так, К. Редько был очевидцем и участником широкомасштабных акций, которые имели ярко выраженный авангардный характер. Он был лично знаком с большинством ведущих украинских художников-авангардистов. Большой интерес вызывают психологические портреты участников событий, описание жизненных ситуаций, дающих более точное представление о классиках украинского авангарда.

Ключевые слова: авангард, искусство, формализм, художник, электроорганизм, футуризм, конструктивизм.